

Фонд биосферного хозяйства

Научно-практический журнал

**СИБИРЬ:
ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ**

2025 № 2(11)

(31 декабря 2025)

В журнале публикуются исследования самого широкого естественнонаучного и гуманитарного спектра о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

Учредитель: Фонд биосферного хозяйства

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, Координатор проектов «Научные исследования» и «Биосферное хозяйство» Фонда биосферного хозяйства

Моложников В.Н. – д.б.н., председатель Байкальского отдела Русского географического общества

Сорокина С.Ш. – сотрудник музея истории с. Оёк Иркутского района

Проскурякова М.А. учитель русского языка и литературы МОУ Тугутуйская СОШ

Степаненко В.Н. – ведущий методист отдела экопросвещения ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда биосферного хозяйства

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей

www.biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала : ежеквартально

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

© Фонд биосферного хозяйства, 2025

© Авторы, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

А.В. Винобер. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк четвертый	5
А.В. Винобер. Загадка научного наследия Константина Константиновича Стукова. Очерк второй	15
А.В. Винобер, Е.В. Винобер. Гора Манхай: мифология и археология	32
А.В. Винобер. Перспективы исследований по ссыльным декабристам для краеведческих музеев села Оек Иркутского района и села Тугутуй Эхирит-Булагатского района (к 200-летию восстания декабристов)	53
А.В. Винобер, Е.В. Винобер. Капсал: современность и история.....	60

/

CONTENTS

A.V. Vinober. Archaeology and ethnogenesis: metaphysical studies. The fourth essay	5
A.V. Vinober. The mystery of the scientific heritage of Konstantin Konstantinovich Stukov. The second essay.....	15
A.V. Vinober, E.V. Vinober. Mount Manhai: mythology and archeology	32
A.V. Vinober. Prospects of research on the exiled decembrists for the local history museums of the village of Oek, Irkutsk region, and the village of Tugutui, Ehirit-Bulagat region (dedicated to the 200th anniversary of the Decembrist uprising)	53
A.V. Vinober, E.V. Vinober. Kapsal: modernity and history	60

УДК 902+572

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГЕНЕЗ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ. ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ

В настоящем очерке, отталкиваясь от коллективной монографии «Этногенез в Байкальском регионе (средневековье)» (2010) автор высказывает свои субъективные мнения и замечания по поводу спорных вопросов археологических и этнологических реконструкций некоторых широко известных авторов Байкальского региона и Якутии. Автор заключает, что всем исследователям проблемы этногенеза в Байкальском регионе – этнологам, историкам, лингвистам и археологам – нужно почаще общаться между собой во имя реализации системного подхода в исследовании сложных вопросов этнической истории и этногенеза, а не пытаться доказывать исключительность методов своей науки и абсолютизировать свои частные гипотезы и реконструкции.

Ключевые слова: методология археологии, реконструктивное моделирование, археологические исследования, этногенез, Байкальский регион

В предыдущем очерке [4] я высказал гипотезу о том, что в современной российской этнологии еще не приступали к реально критическому освоению потенциала креативной концепции Л.Н. Гумилева.

В первую очередь, я имел ввиду то, что многие авторы нередко используют терминологию гумилевской теории этногенеза или его аргументы и экстраполяции без критического осмысления, без глубокого анализа и моделирования реальных процессов этногенеза. Различные гумилевские конструкторы типа «пассионарность», «этническое поле» и другие имеют многообещающий потенциал для реконструктивно-исторического моделирования, который в настоящее время так еще и не получил должного развития и убедительной всесторонней аргументации (обоснования). Но у Л.Н. Гумилева, в его теории этногенеза и в исторических монографиях немало поверхностных и малоубедительных метафор, сравнений и экстраполяций, которые вызывают большие сомнения в исторической достоверности и существенно ослабляют доказательный потенциал его теории этногенеза. В следующем, пятом очерке, я намереваюсь осуществить анализ сильных и слабых мест теории этногенеза Л.Н. Гумилева

(этнологическими и историческими реконструкциями которого я увлечен с конца 80-х годов прошлого века).

А в настоящем очерке, отталкиваясь от коллективной монографии «Этногенез в Байкальском регионе (средневековье)» [18] я предполагаю высказать свои субъективные мнения и замечания по поводу спорных вопросов археологических и этнологических реконструкций некоторых широко известных авторов Байкальского региона и Якутии.

Отталкиваясь от теории М.Полани [13], можно вполне убедительно доказывать, что мировоззренческие установки и ценностные ориентации оказывают решающее влияние на творческий процесс любого ученого, не зависимо от его специализации. Это имеет прямое отношение, как к философам, так и к математикам, не говоря уже об археологах и этнологах, в научном творчестве которых субъективный элемент носит ярко выраженный характер в силу исповедания определенных идеологических, аксиологических, исторических и мифологических установок. Какие бы естественно-научные аргументы не приводили некоторые археологи и этнологи, ссылаясь на специфику и глубокое познание особых специальных археологических и этнологических методов – все эти методы и аргументы преломляются через их мировоззренческие, психологические и социальные установки, научные амбиции и претензии и всегда имеют личностную, и стало быть, субъективную предопределенность. Поэтому, претензии на объективность глубоко специальной методологической и методической интерпретации научных фактов и гипотетических построений на их основании каких-либо реконструктивных теорий всегда содержат определенный мифологический компонент, который авторы в разной степени облачают в сугубо научную и специальную терминологию и аргументацию.

Изучая эти аспекты субъективного в творчестве ученых разных специальностей (без малого четыре десятка лет), я давно пришел к выводу, что помимо мифологии обыденного сознания имеет широкое распространение мифология научного сознания, которая во многом

предопределяет весь спектр субъективности научного творчества и все разнообразие личностного самовыражения, отраженного в научных трудах любого ученого, независимо от его специальности.

Отталкиваясь от вышеобозначенной «парадигмы мифологичности научного сознания», я попытаюсь предпринять фрагментарный анализ историко-археологических и этнологических реконструкций этногенеза в Байкальском регионе. Естественно, что я не претендую на особую объективность своих суждений, и у меня могут присутствовать, помимо субъективных установок, какие-то элементы мифологии обыденного и научного сознания, которые в определенной степени предопределяют личностно-субъективную ориентацию моих теоретических построений. Поэтому изначально выражаю степень своей субъективности: по базовому образованию – биолог-охотовед. Вопросами этногенеза в Байкальском регионе увлекся в 1976-1977 гг. История – мое главное (или – одно из главных) увлечений в моей жизни, которому я всегда уделял много времени. Теорией археологии увлекся в середине 1980-х годов.

Продвинутые и выдающиеся археологи и этнологи могут дальше не продолжать чтение настоящего очерка.

В целом, в своих изысканиях и реконструкциях, я руководствуюсь максимой Ж.-К.Гардена: «Любитель или популяризатор иногда обнаруживает способность к историческому построению, которое не может считаться монополией профессионалов» [5].

Что касается коллективной монографии «Этногенез в Байкальском регионе», то я вполне разделяю утверждение П.Б. Коновалова о том, что «проблема этногенеза и этнической истории бурят все еще далека от удовлетворительного решения, в чем убеждаются все, кто обращается к этой теме» [10].

Также я вполне разделяю точку зрения П.Б. Коновалова на проблему использования генеалогического фольклора в историко-этнологических реконструкциях, то есть серьезных дополнительных исследований по всему

спектру оснований, используемых в такого рода реконструкциях. И это касается не только генеалогического фольклора, но и этнолингвистических исследований и археологических реконструкций.

С 1990 года у многих исследователей этнического прошлого, в т.ч., у этнологов и археологов, появилась «большая тяга» к ревизии всех научных достижений XX века, которая, на мой взгляд, в основном держится на мировоззренческих установках и вуалируется более глубоким проникновением в специальные исторические методы. На этом совершенно немало «открытий» и «переоткрытий» весьма амбициозного характера, впечатляющих некритически мыслящую публику (особенно молодых начинающих исследователей).

Также я вполне разделяю мнение А.И. Гоголева о том, что «в целом пока анализы ДНК не дают достаточно четкий, дифференцированный материал по этногенезу» [6].

Более того, я считаю, что результаты анализов ДНК не могут быть решающим аргументом в реконструкции этнической истории не только в силу несовершенства методов их интерпретации, но и потому, что сама наука геномика и её производные отрасли типа нейроархеологии делают только первые шаги на поприще генно-молекулярной реконструкции филогенеза человеческих популяций и этносов.

Как в свое время утверждал Л.Н. Гумилев, нам необходим системный подход в этногенетических исследованиях и реконструкциях. Впрочем, и сам Лев Николаевич пренебрегал декларируемым системным подходом, часто используя популярные и незатейливые метафоры, производящие впечатление на широкую публику, не обремененную серьезными знаниями истории и потому не способную мыслить критически по поводу приводимых метафор типа «феномен бастардов» или «гуннских потомков людоедов» [7]. Но в случае Л.Н. Гумилева и его теории этногенеза я несколько убежал вперед, потому как это тема следующего очерка моих метафизических этюдов по археологии и этногенезу.

Как отмечает П.Б. Коновалов: «Памятники археологии средневековья представлены могильниками, поселениями, городищами, наскальными рисунками и некоторыми объектами сакрального, оборонительного и хозяйственного назначения. Следует оговориться, что изученность их в целом довольно слабая. Общая датировка от V до XVI вв.» [10].

Я вполне разделяю мнение о слабой изученности памятников археологии средневековья в Байкальском регионе. Более того, считаю, что многие датировки археологических объектов нуждаются в серьезном уточнении с помощью более эффективных методов хроноанализа.

К примеру, есть замечательные работы по Талькинской культуре [11] с точными датировкам: Уда и Галки – это 860 ± 35 л.н. (СОАН-5286) и 565 ± 35 л.н. (СОАН-5288). Но мне не совсем понятно, почему Балаганское захоронение можно датировать XIII-XIV, если в с. Уде – это окончание XI в., и в Галках – уже начало XV века? И вообще, почему Усть-талькинскую культуру можно датировать с VI по XIV в.? Получается, что она существовала в Байкальском регионе восемь веков?

Эти вопросы и недоумения, конечно же, носят субъективный характер. Их много и причина заключается в том, что мало наглядных реконструктивных моделей, которые визуально отражают подобного рода интерпретации и реконструкции.

К примеру, А.В. Харинский считает, что нет оснований соотносить «курумчинскую культуру» с курыканами китайских письменных источников [15]. Это утверждение вызывает у меня давно большие сомнения, которые я отразил с своей прежней публикации [3].

Вообще, для археологов Б.Б. Дашибалова и А.В. Харинского характерно крайне пренебрежительное отношение к своим предшественникам. Все достижения в археологии Байкальского региона в XX веке они подвергают ревизии, давая крайне низкую оценку, и оспаривая прежние археологические реконструкции М.П. Овчинникова, Б.Э. Петри, А.П. Окладникова, П.П. Хороших, В.В. Свирина, О.В. Горюновой и др. При

этом Б.Б. Дашибалов в своей статье «Новое в изучении курумчинской культуры Прибайкалья» [9] утверждает, что Петри появился в Иркутске, приехав из Петрограда, хотя в 1912 и 1913 гг. Петри приезжал из Санкт-Петербурга, переименованного в Петроград 31 августа 1914 года. Казалось бы, мелочь, но она характеризует небрежное отношение к истории. Как и тот факт, что критически разбирая курумчинскую коллекцию Петри из Иркутского краеведческого музея, Дашибалов совершенно не учитывал тот факт, что в 30-е годы XX века большинство сотрудников музея были репрессированы, и в коллекциях появился изрядный беспорядок, сохранявшийся многие годы (из личной беседы с археологом В.В. Свиным в 2005 году – А.В.).

Также Б.Б. Дашибалову и А.В. Харинскому принадлежит сомнительная заслуга введения в оборот понятия «святилища» вместо понятия «городища» для ряда памятников, относимых прежде к курыканской культуре [8, 14, 16].

К примеру, А.В. Харинский [14], произведя более чем скромное исследование Капсальских «городищ», приходит к выводу, что они появились в разное время, и имеют большую разницу в функциональных возможностях. В итоге говоря, что капсальские «городища» это святилища. Изучая эти объекты на протяжении 2013-2025 гг. методами визуально-исторической реконструкции (без какого-либо археологического вмешательства) [2], я давно убедился, что капсальские городища – это оборонительные сооружения, и, вероятнее всего, возникшие одновременно. Разрабатывая три версии: курыканскую, енисейских кыргызов и монгольскую, в последние два года я больше склоняюсь к гипотезе «монгольского» появления этих объектов, и связываю их с северным походом Джучи в начале XIII в. Каждое из капсальских городищ могло быть временным лагерем отдельного воинского подразделения, а второе городище (Капсал II) (по классификации А.В. Харинского, которая отличается от классификации Агапитова [1]) – было действительно центральным и наиболее укрепленным по причине нахождения на нем командующего

центра, либо более продолжительного использования (в течение 2-3 месяцев) отдельными воинскими подразделениями.

Основанием для этой гипотезы служит убеждение, что такие объемные работы по созданию валов и рвов, как на втором городище, можно создать только при наличии железного шанцевого инструмента и ясной военно-инженерной мысли по дислокации оборонительного сооружения. В первую очередь, это может говорить о присутствии китайских «военных инженеров» в составе монгольского корпуса Джучи. В качестве рабочей силы, вероятнее всего, использовались пленные местные жители Кудинской долины, потому как у монгольских воинов не было навыков саперной работы и не было традиции заниматься «недостойными занятиями» для воина-наездника. Если бы уважаемые археологи внимательно прочитали «Записки о Гальской войне» Гая Юлия Цезаря [17] или инженерные аспекты военной истории древнего и средневекового Китая, они бы могли прийти к выводу о безусловном оборонительном значении сооружений всех четырех капсальских городищ. А так, у них получились святилища. В какой традиции шаманизма они обнаружили факты создания подобного рода «святилищ» - совершенно не понятно.

Что касается этногенеалогических реконструкций, то я считаю, что многие работы историков и археологов XX века содержат ценные и важные сведения, не потерявшие своего значения для современной науки. В частности, я вполне разделяю следующее высказывание Б.Э.Петри: «Благодаря тому, что буряты пришли в Прибайкалье сравнительно недавно, они принесли с собой ту же культуру, которая отчасти держится и сейчас в улусах, а отчасти относится к самому недавнему прошлому народа. Их культура относится к позднему железному веку. Поэтому археологические раскопки не смогут пролить много света на прошлое бурят... Зато устные предания бурят весьма богаты и сохранились в народной памяти очень свежо. Особенно четко сохранились родословные и предания о переселениях,

которые совершались в сравнительно недавнее время, и даже могут быть названы «воспоминаниями о переселениях» [12].

Бурятский этнос – это весьма молодой и бурно развивающийся этнос, сложившийся в последние три столетия. Это не исключает его древних корней, которые имеют место в монгольской и курыканской истории, также в других региональных историях (впрямую и косвенно), таких как история енисейских кыргызов и история хунну и уйгуров. Поэтому я вполне согласен с утверждениями П.Б. Коновалова [10]:

1. «Примерно с середины XVII века русская колонизация края создала предпосылки этнической консолидации местных племен, а в начале XVIII в., когда эта часть монгольской ойкумены была отрезана государственной границей между Россией и Китае, началось формирование этнической общности бурятского народа. Впрочем, еще долго после этого продолжалась племенная разобщенность и лишь примерно с середины XIX в. можно говорить о сложении сознания единого народа».

2. «... Недостаточность изученности проблемы, в данном случае по части археологических исследований, отсюда и дискуссионность вопросов о реальной картине этнических процессов в рассматриваемом регионе» [10].

Отталкиваясь от последнего утверждения, несложно прийти к выводу: всем исследователям проблемы этногенеза в Байкальском регионе – этнологам, историкам, лингвистам и археологам – нужно почаще общаться между собой во имя реализации системного подхода в исследовании сложных вопросов этнической истории и этногенеза, а не пытаться доказывать исключительность методов своей науки и абсолютизировать свои частные гипотезы и реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала; городища Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1881. № 4-5. С. 1-23.

2. Винобер А.В. Капсальские горы и «городища» / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее .2021. №2(5). С. 31-38.

3. Винобер А.В. Курыканы: происхождение и исчезновение (предварительный анализ умозрительных ревизий последних десятилетий) // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее . 2022. №1(6). С. 14-21.

4. Винобер А.В. Археология и этногенез: метафизические этюды. Очерк третий / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2025. 1(10). 5-15.

5. Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. Пер. с фр. // М.: Прогресс. 1983. 296 с.

6. Гоголев А. И. Этногенез якутского народа // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2010. С. 94-111.

7. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы ; Этногенез и биосфера земли. – М.: Эксмо. 2012. 1056 .

8. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори.— Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.

9. Дашибалов Б. Б. Новое в изучении курумчинской культуры Прибайкалья // // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2010. С. 177-191.

10. Коновалов П. Б. Этническая генеалогия и родоплеменная номенклатура бурят в контексте этногенеза // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2010. – С. 111-134.

11. Николаев В. С. Средневековое погребение у поселка Балаганск // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. №1 (4). С. 299-308.

12. Петри Б.Э. Собрание преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, 11-18 января 1925. Обзор работ, тезисы, резолюции. – Иркутск. 1925. С. 77-78. (Бюллетень ВСОРГО. Вып. 6).

13. Полани М. Личностное знание. Пер. с англ. — Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 343 с.

14. Харинский А. В. Капсальские «городища» // Изв. Лаборатории древних технологий. - Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. - Вып. 5. - С. 200-217.

15. Харинский А. В. Курумчинская культура Прибайкалья в свете новых археологических данных // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2010. С. 191-205.

16. Харинский А.В. Городища-святилища в структуре сакральных представлений древнего населения Предбайкалья // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2015. №. 13. С. 6-17.

17. Цезарь Г.Ю. Записки о Галльской войне. Пер. с лат. – М.: Изд-во АСТ. 2021. 416 с.

18. Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье) / Кол. мон. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2010. 410 с.

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGENESIS: METAPHYSICAL STUDIES. THE FOURTH ESSAY

In this essay, based on the collective monograph "Ethnogenesis in the Baikal region (the Middle Ages)" (2010), the author expresses his subjective opinions and comments on controversial issues of archaeological and ethnological reconstructions of some well-known authors of the Baikal region and Yakutia. The author concludes that all researchers of the problem of ethnogenesis in the Baikal region – ethnologists, historians, linguists and archaeologists – need to communicate with each other more often in order to implement a systematic approach to the study of complex issues of ethnic history and ethnogenesis, rather than trying to prove the exclusivity of their scientific methods and absolutize their particular hypotheses and reconstructions.

Keywords: methodology of archeology, reconstructive modeling, archaeological research, ethnogenesis, Baikal region

Поступила в редакцию 25 декабря 2025

УДК 94 : 908 (571.5)

*А.В. Винобер
Иркутск, Россия*

ЗАГАДКА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА СТУКОВА. ОЧЕРК ВТОРОЙ

В настоящем очерке рассмотрены вопросы, касающиеся публичной мифологии, созданной оппонентами миссионера, монголоведа, этнографа, языковеда и буддолога Константина Константиновича Стукова в XIX веке и успешно продолжающейся развиваться в течение XX и первой четверти XXI века.

Ключевые слова: Константин Константинович Стуков, научное наследие, научные труды, иркутское духовенство, Императорский отдел Русского Географического общества, село Оек

Изначально я планировал только два очерка, посвященных научному наследию Константина Константиновича Стукова. Но в настоящее время уже понимаю, что будет продолжение. Потому что в процессе исследования появляются все новые открытия и возникают новые вопросы, на которые нет однозначного ответа.

Поэтому настоящий второй очерк о научном наследии К.К. Стукова всего лишь абрис этой удивительной загадки судьбы автора и его научных изысканий.

Протоиерей, миссионер, этнограф и языковед К.К. Стуков, в моем теперешнем понимании, главный духовный наследник и ученик яркой персоны иркутской истории – архиепископа Ириней (Нестеровича). И не только потому, что преосвященный посвятил его в сан служителя русской православной церкви, но прежде всего потому, что Константин Стуков унаследовал от Ириней непримиримость к мирской несправедливости, к обывательскому лицемерию, к угнетению обездоленных и гонимых светской властью. Если бы не это правдолюбие и темперамент борцов за справедливость – судьбы архиепископа Ириней и его последователя Константина Стукова сложились бы более благоприятно как в плане служебной карьеры, так и в плане научного признания последнего – К.Стукова.

Но если бы в истории не случалось таких людей, таких темпераментов – вся наша земная жизнь оказалась бы сплошной и беспросветной безнадегой и одним упованием на воздаяние по заслугам только в ином мире.

Далее – факты и научный анализ, не исключая субъективных авторских гипотез, интерпретаций и утверждений.

Читаем у Нита Романова: «К.К. Стуков... с 1851 по 1853 гг. был священником в Чите... Не мог равнодушно перенести, как И.Е. Разгильдеев в одно лето «египетскими» работами загнал в могилу тысячи каторжников и тем возбудил моровую язву, распространившуюся далеко за пределами прииска. Все это ради добычи 100 пудов золота и получения чина полковника. На Стукова была послана жалоба архиепископу Иркутскому и Нерчинскому и он был уволен за штат, не имея никаких средств. Тринадцать лет жить ему приходилось литературными трудами» [20].

Приведу свидетельство современника о том, кто был И.Е. Разгильдеев, что он «творил» и против кого и чего выступил К.К. Стуков: из письма М.В. Буташевича-Петрашевского сестре А.В. Петрашевской. Александровский завод. 27 июля 1856 года: «... сообщу только о том, какие особенности или удивительности со мной в течение сего времени случились: именно я, находясь в ссылке, подвергнулся новой ссылке по распоряжению губившего в течение 7 лет этот край г. Разгильдеева (Разгильдеев Иван Евграфович 1812-1863, горный инженер, подполковник, и.д. начальника Нерчинских заводов – А.В.) – по причине знания мною законов, по просьбе о сем г. Полторанова, исключенного из жандармов за разные качества и по особому благоволению Руперта или Лавинского, попавшего в советники судного отделения Нерчинского Горного Правления, ибо гг. Разгильдеев и Полторанов опасались, чтоб я моими юридическими ответами некоторым лицам, коих дела имелись и противозаконно решались в Горном правлении, не дал им возможности обнаружить силою закона их несправедливости и противозаконности...» [16].

За два с половиной месяца до этого письма Буташевич-Петрашевский писал сестре А.В. Петрашевской следующее: «Б.Нерчинский завод 11 мая 1856. ... подверглись гонению и ненависти г. Разгильдеева, который по сие время исправляет здесь должность Горного начальника, бессовестнейшего и мерзейшего человека... Не буду исчислять его действий по управлению, но скажу, что его администрация для здешнего места, по его действиям, была равносильна моровой язве. Так, в 1851 года на Золотых Карийских промыслах, находившихся под его непосредственным управлением, от его администрации, т.е. ежедневного и обильного употребления кнутов и палок, от чрезмерного отягощения работами, от худого продовольствия и т.п. злоупотреблений из 5 тысяч человек команды менее чем в год умерло и уморено было за 2000 человек... в год перемерло более $\frac{3}{4}$ населения...» [16]

Вот против этого И.Е. Разгильдеева и творимых им беспредельных безобразий выступил священник Читинской церкви Константин Стуков. В итоге – остался оклеветан и удален от службы на 13 лет. Более того, приобрел на всю оставшуюся жизнь постоянных, скажем мягко, «недоброжелателей» из числа читинских и иркутских служителей, всю вторую половину XIX века, писавших доносы и дискредитирующие «письма» (к этому вопросу вернемся чуть позднее).

Естественно, что я далек от идеализации образа протоиерея Константина Стукова. Как принято было говорить и в прошлом, и в настоящем – Константин Стуков был «далеко не ангел», а вполне обыкновенный человек, обремененный своими слабостями, привычками, своим характером и темпераментом, нередко будоражил своих оппонентов крайне резкими суждениями и бескомпромиссной критикой. Как писал его первый биограф о. Вл. Ларев, близко знавший его в последние годы жизни в селе Оек: «Мнения о нем [К.К. Стукове] были крайне разнообразны и противоречивы, не изобилующие похвалами... он был не иначе, как неудачником в жизни, несмотря на свои недюжинные таланты, выдающееся

образование, но вследствие крепости своего независимого характера, ясного, но преувеличенного характера своего превосходства» [12].

В качестве примера, как умел протоиерей К.Стуков «наживать себе врагов на ровном месте» можно привести два случая.

Первый – критика его иркутского коллеги-монголоведа протоиерея Александра Орлова: «По поводу напечатанной в №34 1863 г. Ирк.Епар.Вед. статьи Протоиерея Александра Орлова «О буддизме по монгольским источникам» в Редакции 22 сентября получено возражение от П.К. Стукова. ... Наконец П.К. Стуков по поводу помещенной статье П.А. Орлова фразы: *четырёх тем восьми тысяч* (так в оригинале), выводит заключение о незнании Тибетско-монгольской грамматики и называет это *буддохульством* (так в оригинале)».

В заключении редактор Иркутских Епархиальных Ведомостей П.Громов пишет: «Да не прогневается о.К. Стуков, что вполне напечатать письмо его к редактору признано невозможным по не приличному до крайности тону возражений. Стыдно даже, что может так писать лицо духовное и в деле духовного содержания. Впрочем, представляется о.К. Стукову полная свобода поискать журнал, который бы принял на свои страницы то, в чем мы отказываем» [7].

Второй пример: критика книги «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» Нила, архиепископа Ярославского (Епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский 1838-1853): «Впрочем, из опасения подвергнуться обвинению в придирчивости, я поставил себе в правило не касаться мелочей и посчитать только более важные промахи «Буддизма»... По прочтении этой статьи я пожелал от всей души, чтобы г. автор «Буддизма» выкупил все издания своей книги у книготорговцев и с 29 до 36 страницы вырезал листы до корешка хоть ради достоинства русских монголологов (так в оригинале)» [24].

Когда изучаешь научное наследие К.К. Стукова, сталкиваешься сразу с удивительным фактом – куда «растворилась» большая, по преимуществу,

научная библиотека, в которой насчитывалось около четырех тысяч книг и уникальных рукописей.

Хотя, ряд книг и рукописей библиотеки все же уцелел и дошел до наших дней, и уже введен в научный оборот во второй половине XX века и в первые десятилетия XXI века [2]. Например, значение рукописи «Бичихан запискэ»: до настоящего времени мало изучена, но наиболее часто упоминается. Известно, что некоторая часть библиотеки К.К. Стукова (книги и рукописи по монголоведению, буддизму, шаманизму и восточным языкам) была передана наследниками в библиотеку Иркутской духовной семинарии [1], откуда эти книги в дальнейшем перешли в Иркутский государственный университет.

Занимаясь научным наследием К.К. Стукова на протяжении 2021-2025 гг. я ни разу не встречал ссылок и упоминаний на документы (акты) передачи книг К.К. Стукова ни в библиотеку Иркутской духовной семинарии, ни в библиотеку Иркутского государственного университета. Возможно, что они есть, но не опубликованы. Возможно, что они уже совершенно исчезли или (крайний вариант) передача книг осуществлялась без документального оформления (что маловероятно). В статье [2] говорится, что коллекция К.К. Стукова в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) состоит из 24 работ. Нумерация изданий (на данный момент), находящихся в библиотеке Иркутского Государственного университета с 13872-13920. Между рукописями, хранящимися в Улан-Удэ (13789) и Иркутске (13872) должно быть еще 82 наименования книг и рукописей. Где находятся эти раритеты или даже уникалы из коллекции К.К. Стукова?

В каталоге библиотеки ИГУ, под рубрикой «Коллекция К.К. Стукова», содержится 35 наименования (2 рукописи, одна карта и 32 книги).

В каталоге библиотеки ИГУ также числятся две книги .» с рельефным тиснением «Николай Константинович Стуков»: «Требник на монгольском языке. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1858. – [295] с.» и «Сутра под названием: как (монах) молонтойн отблагодарил свою мать : на монг. яз. : с

рис. – Пекин, Кан си 47. – 96 л.». Вероятнее всего, они являются книгами Константина Константиновича Стукова – его отца.

Но это – всего лишь «вершина айсберга». Потому что пока неизвестно о существовании дневников К.К. Стукова, которые он вел много лет, его научной картотеки и многочисленных рукописей, о существовании которых я упомянул в предыдущей статье [5], ссылаясь на некролог, написанный о . Вл. Ларевым, который явно пользовался рукописями и дневниками К.К. Стукова.

Например, мы имеем завещание протоиерея Александра Орлова, опубликованное в Иркутских епархиальных ведомостях за 1889 г. №44 [8], но нам неизвестно таковое завещание протоиерея Константина Стукова, а ведь оно, по весьма большой вероятности, тоже существовало. Ведь как ученый, К.К. Стуков не мог безразлично относиться к своему научному наследию, к своим книгам, рукописям, дневникам, научной картотеке. И здесь возникает немаловажный вопрос – как распорядились этим научным наследием его наследники, и в первую очередь, весьма известный своей деятельностью – Николай Константинович Стуков, его сын, купец, почетный гражданин города Иркутска. Неужели ему, как человеку образованному и просвещенному общественному деятелю была безразлична судьба научного наследия его родителя? Это не простой вопрос, но он логично вытекает из тех последующих обстоятельств, которые произошли с научным наследием К.К. Стукова.

По моему предположению, в рукописях К.К. Стукова могут содержаться ценные сведения об утраченных в пожаре 1879 года в Иркутске коллекциях книг и предметов буддизма, которые К.К. описывал в 60-е годы XIX в. по заданию ВСОРГО.

Деятельность протоиерея Константина Стукова в рамках ВСОРГО очень хорошо отражена в отчетах за 1862-1863 гг. Ниже представляю установленный перечень дел, которые выполнял или в которых участвовал

К.К. Стуков, являясь членом Императорского отдела Русского Географического общества (ИОРГО).

Общее заседание от 19 марта 1862

Доложены бумаги, поступившие после последнего заседания.

Отзыв протоиерея Стукова, при котором припровожден в отдел составленный им каталог монгольских и маньчжурских книг, принадлежащих библиотеке отдела. Кроме того, г. Стуков сообщил отделу, что он приступил к описанию буддийских божеств, хранящихся в музее отдела.

Положено: Каталоги напечатать в Записках Сибирского отдела, а г. Стукова благодарить и предложить ему звание члена сотрудника отдела.

Каталог этот отмечен как особенно важный по содержанию из рукописных статей, поступивших в отдел в течение нынешнего года.

Общее заседание от 2 сентября 1862

Правитель дел Отдела прочитал членам записку о занятиях отдела в ваканционное время.

Протоиерей Стуков, хорошо знакомый с монгольским языком, занимается описанием буддийских божеств, хранящихся в этнографическом музее.

Общее заседание от 9 ноября 1862

Поступило в отдел в течение минувшего месяца:

От члена сотрудника протоиерей Стукова описание пяти тибетских божеств: Абида Бурхан, Аюша Бурхан, Маньчэджуири, Богда Цзонкхава, Бадма Самбава.

Определено: благодарить Стукова за его труды.

Прочитаны статьи:

«Майдари» Стукова.

Общее заседание от 17 декабря 1862

Были прочитаны:

Об элементах монголо-бурятского языка Стукова [13]

Общественное заседание от 30 января 1863

Поступили в Отдел следующие статьи:

Об элементах монголо-бурятского языка члена сотрудника Стукова.

Общее заседание от 22 мая 1863

С. 605. О составлении Редакционного комитета. Лица, выбранные большинством голосов – в том числе протоиерей Стуков

С. 611. Сочлен наш протоиерей Стуков занимается приведением в порядок маньчжурско-китайской-монгольской библиотеки Отдела

Общее заседание от 19 октября 1863

Предложение покровителя отдела коим поручено Отделу рассмотреть каталог китайских и маньчжурских книг, принадлежащих вдове умершего коллежского советника Крымского с тем, что может быть отдел сочтет за нужное приобрести эти книги для своей библиотеки. Поручено членам отдела Стукову и Даманскому.

С. 617. О рукописной Маньчжурской грамматике 1830 года, хранящейся при СОРГО. Не предполагается ли печать этой рукописи или возможна ли её передача Благовещенскому духовному училищу (для учебных нужд в качестве пособия). По этому поводу член отдела Стуков, хорошо знакомый с маньчжурской библиотекой отдела дал следующий отзыв.

«При сделанном мною разборе книг китайско-тибетско-маньчжурской и монгольской библиотеки сказанной рукописи не оказалось. Но имеются десятки дублетов на маньчжурском языке и других сочинений, могущих служить руководством для миссионеров». И наконец, краткая татарско-маньчжурская грамматика на французском языке, которую берется перевести г. Стуков и даже дополнить по имеющимся у него материалам.

Стукову поручить составить список дублетов книг маньчжурской библиотеки.

Общее заседание от 26 октября 1863

С. 620. Стуков сообщил отделу описание семи тибетских божеств: Аюши с богинями, Цаган Дара-экэ и Уиинии виджая; Ямантика; Махакала; Номтойсрай; Цэ-багр-мэд; царь Эрликов, Эрлик-хан [14]

В связи с вышеуказанным списком также возникает вопрос – куда исчезла и где растворилась богатая коллекция предметов и атрибутов буддийского культа, которую К.К. Стуков собирал в течение своей жизни и работал над ней до последних дней своей жизни (о чем есть упоминание в некрологе о. Вл. Ларева [12])?

Также возникает вопрос: почему выдающийся православный буддолог И.А. Подгорбунский в своих трудах не упоминает имя К.К. Стукова и его работы, хотя известно, что он пользовался книгами из коллекции Стукова, переданными в Иркутскую духовную семинарию, и вполне вероятно, пользовался и рукописями К.К. Стукова?

Впрочем, в двух прочитанных мною работах (опубликованных монографиях) И.А. Подгорбунского: 1) «Шаманистические верования монголов и бурят» [17] и 2) «Буддизм, его история и основные положения его учения» [19] встречается ряд тем и вопросов из опубликованных статей К.К. Стукова в 1850-60 гг. Но при этом, имя К.К. Стукова полностью отсутствует в этих работах, как в ссылках и списках использованной литературы, так и просто по тексту.

Г.Н. Потанин в 1888 году организовал первую в истории музея (ИОРГО) большую выставку предметов буддийской культуры. В подготовке и проведении выставки участвовал И.А. Подгорбунский. Был издан каталог, включающий более 500 пронумерованных экспонатов [9]. И опять – ни однажды не упомянут в этом труде К.К. Стуков, самый яркий и глубокий исследователь буддизма и предметов буддийского культа в Иркутске, который был прекрасно известен протоиерею И.А. Подгорбунскому.

Естественно, что все это не случайно. Истоки этой ненаучной традиции скрываются в Забайкальском крае в 1830-1850 гг. в православной и миссионерской деятельности К.К. Стуков в Нерчинске и Чите.

Когда мы начинаем читать публикации известного православного писателя, священника И.В.Корелина, бывшего учителя Нерчинского училища, картина понемногу проясняется.

Как пишет достопочтенный И.В.Корелин: «С 1833 по 1838 гг. на должности смотрителя Нерчинских училищ состоял сперва священник, впоследствии протоиерей Константин Стуков, первым делом которого был отзыв перед семинарским правлением, что в делах училищных нет никакой канцелярской формалистики» [10].

Известно (по серии публикации И.В.Корелина «Нерчинское духовное училище» в ИЕВ), что когда К.К. Стуков приехал в Нерчинск, то застал в училище печальную картину: полное отсутствие учета движения финансовых средств, полное отсутствие учета ведения учебной деятельности, пьянство отдельных учителей-священнослужителей и т.д. и т.п

По молодости лет и своему крутому нраву К.Стуков стал наводить порядок и сразу же вступил в затяжной конфликт с учительствующим персоналом и с их многочисленными родственниками в Нерчинске и в Чите. В результате, в течение многих лет недовольные деятельностью К.К. Стукова писали на него кляузы и доносы как в Иркутскую епархию, так и светским властям (о чем есть упоминание в некрологе Вл.Ларева [12]). Эта традиция сохранилась практически до конца жизни К.К. Стукова и после его смерти, ряд священнослужителей из Читы и Нерчинска продолжали эту традицию. К этому добавилось полное умолчание о научных трудах и о миссионерской деятельности Стукова.

Последняя традиция, в отношении научной и писательской деятельности К.К. Стукова перекочевала, как я уже говорил ранее, в XX и XXI век.

Между прочим, в период 1833-1838 учителем в Нерчинске был некто Василий Подгорбунский [10] (по моему предварительному заключению – довольно близкий родственник будущего выдающегося буддолога И.А. Подгорбунского).

Читаем дальше у И.В. Корелина: «Небезынтересно познакомиться с учителями описываемого времени по аттестациям семинарского правления. Учитель N... 28 июля 1835 наговорил много грубостей и выругал зрителя (К.Стукова – А.В.) скверноматерными словами (в нетрезвом виде ... вымазал известкой иконы, выбелил ею же ученика) назвал зрителя посельщиком и нанес удары по руке... За каковые деяния был уволен» [10].

Второй случай с учителем, приводимый Корелиным, имеет продолжение уже в XXI веке. «21 сентября 1836 года в присутствии всех был

наказан розгами учитель Ст. Писарев за «противление и грубость зрителю» [10]. Это опубликовано в 1880 году в Иркутских епархиальных ведомостях. А вот как интерпретирует этот случай в 2024 году известный читинский историк В.Н. Косых в статье «Пожар 1838 года в Нерчинской бурсе и его последствия»: «Уместно, наверное, привести случай имевший место в бурсе в 1836 году. На занятиях бурсак Ст. Писарев пытался избежать «угощения березовой кашей» (*высечь розгами за поступок* – А.В.) и перепрыгнул через забор. За ним устремился зритель училища протоиерей К. Стуков. В итоге он догнал ученика, избил его и вдобавок откусил оное (?), что и засвидетельствовал штаб-лекарь Джунковский» [11].

Самое удивительное, что через 144 года историк Косых превращает учителя Ст.Писарева в ученика (бурсака), и добавляет новые подробности. Хотя, если верить Корелину (также обличавшему К.Стукова), проступок совершил учитель Ст. Писарев и за него был наказан, а вовсе не ученик (бурсак). И такого рода подробности и кляузы писались как в 1838 году после пожара в Нерчинской бурсе (училище), так и в 1853 году после выступления протоиерея К.Стукова против Разгильдеева.

В публикации Корелина, учителя, нарушающие режим, пьянствующие и пропускающие занятия обычно обозначены либо заглавным буквами, либо N.N., что верно отражает предвзятую установку по отношению к Стукову, создавая картину, что во всем виноват зритель.

Завершает Корелин свое описание следующим выводом: «Заклучим грустную картину происшедшего и вместе зрительства протоиерея Стукова страшною катастрофою. С 12 по 13 января бурсачный дом, в котором помещалось 36 человек, загорелся. Погибло 12 учеников. Отчего произошел пожар, кажется следствия не открыли, поэтому и мы ничего верного сказать не можем, а скажем словами зрителя Стукова: «Одному богу непогрешительно известна причина пожара» [10].

Сама формулировка «кажется следствия не открыли» причину пожара и предоставление последнего слова зрителю Стукову весьма похоже на прозрачный намек – что причина пожара в просмотре Стукова.

На мой взгляд, из всего выше изложенного, становится понятней миф о К.К.Стукове, сложившийся в 30-50е годы XIX в. в Нерчинске и в Чите, и перекочевавший в Иркутск. Поэтому неудивительно, что С.В. Мельникова не включила К.К. Стукова в список православных духовных писателей [15]. Хотя, по моему субъективному мнению, на основании исследования текстов К.К. Стукова, опубликованных в XIX в., нет более яркого и достоверного православного духовного писателя в Иркутской губернии, чем К.К. Стуков.

Но какое это имеет отношение к научному наследию К.К. Стукова?

Как не удивительно, но и в этой сфере, существенно удаленной от православного служения, также существует и всегда формируется своя мифология, в которой, в равном объеме и с разным успехом участвуют как начинающие, так и маститые ученые.

В свете вышесказанного, меня не удивляет, что такие исследователи А.В. Степанов и Р.Д. Федосов [21, 22] считают, что у истоков научного исследования буддизма стояли протоиерей И.А. Подгорбунский и архиепископ Нил, и акцентируют внимание на авторитете И.А. Подгорбунского, как ученого-монголоведа.

Но когда подобные вещи заявляют известные исследователи истории буддизма в Российской империи, как доктор наук Николай Владимирович Цыремпилов [26, 27], неплохо осведомленный о научной деятельности в этой области К.К. Стукова (так как работал в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ), и при этом выбрасывающий последнего из своих научных работ, это существенно поражает мое воображение и заставляет задуматься: в чем здесь научная причина? Правда, в одном случае Н.В. Цыремпилов упоминает селенгинскую летопись «Бичихан запискэ», не упоминая о том, что эта летопись из коллекции рукописей К.К. Стукова, о чем Н.В. Цыремпилов не мог не знать, работая с

этой коллекцией в Институте монголоведения (Улан-Удэ), о чем также упоминал ранее З.Тагаров [25].

А ведь из опубликованных статей К.К. Стукова (50-60е годы XIX в.) читается совсем иная история распространения религии буддизма среди бурят Забайкалья, которая целиком игнорируется в докторской диссертации Н.В. Цыремпилова, так как не совпадает с той рафинированной и идеологизированной историей распространения буддизма в Забайкалье, которую написал в своей диссертации Н.В. Цыремпилов [27].

Автор диссертации позитивно отзывається о книге Архиепископа Нила «Буддизм» (1858) [3], которую так резко критиковал в своей публикации К.К. Стуков [23, 24]. Опять же, как не мог не знать об этой статье-рецензии К.К. Стукова автор диссертации? Он также её игнорирует, как и все другие публикации К.К. Стукова о буддизме. Видимо, к ним (публикациям) можно отнести фразу бывшего диссертанта: «претенциозность свойственна почти всем сочинениям XIX века, посвященным предмету и нашего исследования» [27].

Самым ярким и содержательным из православных трудов второй половины XIX в., по мнению Цыремпилова, стала работа Архиепископа Вениамина (Благодного) «Жизненные вопросы православной миссии в Сибири» (СПб. 1885 г. 75 с.). Она включает статьи: «Ламайское идолопоклонническое суеверие в Восточной Сибири», «Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников» и «Обязанности русского государства по обращению иноверцев и раскольников к православной русской церкви».

Не трудно заметить, что самым глубоким знатоком всех вышеперечисленных тем был К.К. Стуков, опубликовавший целую серию статей по этим вопросам в 50-60-70-е годы XIX века.

Как ни странно (что вызывает насущный исследовательский интерес!) эта работа Архиепископа Вениамина (Благодного) появилась менее чем через год, как в Иркутскую духовную семинарию были переданы книги и

(весьма вероятно) рукописи К.К. Стукова. До этой публикации 1885 года мы не находим у Архиепископа Вениамина публикаций на подобные темы, не считая более поздней публикации в 1890 году в Иркутских епархиальных ведомостях» [4]. Более чем странное совпадение (?!).

Историк из Улан-Удэ Ирина Регбиевна Гарри в рецензии на книгу Н.В. Цыремпилова «Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во «Буряад-Монгол Ном Хэблэл», 2013» [6] утверждает, что в ней присутствует высокий профессиональный уровень, основанный на кропотливой работе и методологии западной науки. И даже находит, что выводы Цыремпилова по поводу легендарного Указа императрицы Елизаветы Петровны 1741 г., носят революционный характер и полностью аргументированы. По этому поводу можно отчасти согласиться с уважаемым рецензентом. Действительно, методологию и «дыхание» западной науки не трудно обнаружить в этой монографии, как и в докторской диссертации Н.В. Цыремпилова. Но можно ли считать высоким профессиональным уровнем «замалчивание» и «выбрасывание» мнений других ученых, в публикациях которых содержится совсем иной взгляд на историю развития буддийского культа в Забайкалье и Бурятии (я имею ввиду, в первую очередь, публикации К.К. Стукова). Это вопрос уже больше этического характера или вопрос мировоззренческий. Если сообщество ученых, принимающих такие работы как высокое профессиональное достижение считает приемлемой такую этику и такой исторический профессионализм, то тогда можно называть такое явление высокой наукой.

Но считать революционными выводы по поводу несуществовавшего и, скорее всего, не существующего в истории документа (Указа императрицы Елизаветы Петровны 1741 г.) основанные на виртуальной логической риторике отвлеченных теоретических рассуждений – это, на мой субъективный взгляд, весьма смелое пафосное утверждение.

Добавлю к этому еще небольшой фрагмент: в своей докторской диссертации В.Н. Цыремпилов ссылается на монографию И.А.

Подгорбунского «Буддизм, его истоки» [19], при этом, не упоминая о кардинальных расхождениях во взглядах последнего на буддизм в сравнении с развиваемой концепцией самого В.Н. Цыремпиллова. В 1897 году в Иркутских епархиальных ведомостях И.А. Подгорбунский пишет: «Я закончил свое исследование... Буддизм ни лучше, ни хуже других естественных религий. Он есть знание без откровения, религия без Бога, тело без духа. Он не способен возродить, он мрачен, холоден, мертв, плачевно бесплоден и я не знаю, способны ли к жизни эти сухие кости?» [18].

Я понимаю, что в Лондон было гораздо приятней ездить, чем в соседний Иркутск, в котором имеются все публикации И.А. Подгорбунского и К.К. Стукова. Но в этом случае можно было бы обнаружить, что взгляды К.К. Стукова на буддизм гораздо ближе к точке зрения Н.В. Цыремпиллова и гораздо объективнее с научной точки зрения первой четверти XXI века, чем взгляды цитируемых работ арх. Нила, арх. Венямина (Благонравова) и протоиерея И.А. Подгорбунского.

Что касается выдающегося знатока буддизма И.А. Подгорбунского, «который имел смелость взять на себя исследование и выполнить его правдиво и беспристрастно, и старался отдать должную справедливость всему, что есть хорошего и истинного в буддизме» [18], то я имею основание утверждать, прочитав его основные труды, что И.А. Подгорбунский мало следует интересам истины, о которой якобы печется. Помимо полного умалчивания своего предшественника К.К.Стукова (на основании его собственных субъективных причин), он использует в своих работах его книги, и, возможно, его рукописи, находившиеся в библиотеке иркутской духовной семинарии, и при этом полностью остается в рамках исходной идеологической парадигмы, которую он считает единственно истинной и научной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева Л.Г. Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по изучению истории

монгольских народов : середина XIX - первая четверть XX в. : дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Арсеньева Любовь Георгиевна ; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т]. - Улан-Удэ, 2015. 207 с.

2. Базаров А. А., Лоценков А. В. Коллекция тибетских текстов православного миссионера К. К. Стукова (1809-1883) из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН // Монголоведение. 2021. Т. 14. № 1. С. 156- 169. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-156-169.

3. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири / соч. Нила, архиепископа Ярославского. – Санкт-Петербург : тип. Г. Трусова, 1858.

4. Вениамин (Благонравов). Настоящий буддизм // Иркутские епархиальные ведомости. 1890. №5. С. 6-10.

5. Винобер А.В. [Загадка научного наследия Константина Константиновича Стукова. Очерк первый](#) / А.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2025. 1(10). С. 16-26.

6. Гарри И.Р. [Рецензия на книгу. Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России \(XVIII – начало XX в.\)](#) // Религиоведение. 2013. № 4. С. 180-182.

7. Громов П. Возражение против статьи «О буддизме» //Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 39. С.639-640

8. Завещание о. протоиерея А.М. Орлова // Иркутские епархиальные ведомости. 1899. 44. С. 5-10.

9. Каталог буддийской коллекции Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск, 1908. Отд. 17.

10. Корелин И.В. Нерчинское духовное училище. III (нач. №№1, 2, 3, 20, 21 за 1879 г.) // Иркутские епархиальные ведомости. 1880. №14. С. 166-176.

11. Косых В.И. Пожар 1838 года в Нерчинской бурсе и его последствия // Записки ЗО РИО. 2024. 1(6). С. 6-10.

12. Ларев В. Протоиерей Константин Стуков / В. Ларев // Иркутские епархиальные ведомости. - 1884. - № 13. - С. 155-172.

13. Летопись отдела // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. VIII - Иркутск, 1865.

14. Летопись Отдела // Записки СОРГО. Кн. IX-X. Иркутск. 1867.

15. Мельникова С.В. Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX в.: биобиблиографический словарь. Иркутск. ИОГУНБ. 2022. 438 с.

16. Петрашевцы в Сибири: Документальный исторический сборник / Сост. В.Р. Лейкина-Свирская, Ф.Г. Никитина, И.В. Селиванова. – Иркутск: Изд-во «Облмашинформ. 2004. 544 с.

17. Подгорбунский И.А. Шаманистические верования монголов и бурят. Иркутск, 1895. 80 с.

18. Подгорбунский И.А. Буддизм в историческом теоретическом и популярно-народном отношении (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1897. 24. С. 618-627.

19. Подгорбунский И.А. Буддизм, его история и основные положения его учения : Вып. 1-2. - Иркутск : тип. А.А. Сизых, 1900-1901. -2 т. (Труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества).

20. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. / Издание подготовлено Н.В. Куликаускене. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1993. 544 с.

21. Степанов А.В. Протоиерей И.Подгорбунский – иркутский буддолог, религиовед, компаративист // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т ;(отв. ред. Е.В. Дроботушенко).-Чита : ЗабГУ. 2018. С. 84-87.

22. Степанов А. В. Буддологические исследования духовенства Иркутской епархии конца XVIII – начала XX в. / А. В. Степанов, Р. Д. Федосов // Вестник БНЦ СО РАН. 2024. 1(53). С. 105-109.

23. Стуков К. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. Сочинение Нила архиеп. Ярославского. СПб. 1858. Статья 1-я // Иркутские губернские ведомости. Часть неофициальная. - 1859. - № 9 (26 фев.). С. 1-6.

24. Стуков К. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. Сочинение Нила архиеп. Ярославского. СПб. 1858. Статья 2-я // Иркутские губернские ведомости. Часть неофициальная. - 1859. - № 24 (11 июня). С. 1-6.

25. Тагаров З. Заметка о бурят-монгольской летописи «Бичихан запискэ» / / Записки бурят-монгольского института культуры. — Улан-Удэ, 1952. Вып. 15. С. 81-88.

26. Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – начало XX в.). - Улан-Удэ: Изд-во «Буряад-Монгол Ном Хэблэл», 2013. 338 с.

27. Цыремпилов Н.В. Государство и бурятская буддийская община в Российской империи XVIII - начала XX в. : дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Цыремпилов Николай Владимирович ; [Место защиты: Бурят. гос. ун-т]. - Улан-Удэ, 2015. 419 с.

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

THE MYSTERY OF THE SCIENTIFIC HERITAGE OF KONSTANTIN KONSTANTINOVICH STUKOV. THE SECOND ESSAY

This essay examines issues related to public mythology created by opponents of the missionary, Mongolologist, ethnographer, linguist and Buddhist Konstantin Konstantinovich Stukov in the 19th century and successfully continuing to develop during the 20th and first quarter of the 21st century.

Keywords: Konstantin Konstantinovich Stukov, scientific heritage, scientific works, Irkutsk clergy, Imperial Department of the Russian Geographical Society, village of Oek

Поступила в редакцию 25 декабря 2025

УДК 904 (571.53)

А.В. Винобер, Е.В. Винобер

Иркутск, Россия

ГОРА МАНХАЙ: МИФОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Несмотря на многолетний познавательный интерес к такому необычному историко-археологическому объекту как гора Манхай, авторы на Манхае побывали всего два раза: 20 апреля 2013 и 25 сентября 2025 года. Можно сказать, это довольно поверхностное визуальное знакомство. В статье отражены некоторые бытующие среди широкой публики и ученых-археологов мифы об историческом прошлом горы Манхай, а также краткий обзор публикаций о Манхае, как научных (в основном), так и популярных (из местной прессы и интернет). Главным своим предложением авторы указывают на необходимость создания историко-археологического музея-заповедника «Гора Манхай» областного или даже федерального значения с размещением научно-охранного стационара в непосредственной близости с музеем-заповедником.

Ключевые слова: гора Манхай, городище Манхай, Эхирит-Булагатский район, реконструкция, археологические раскопки, мифология

Гора Манхай, как объект археологии и мифологии, интересует нас давно. Интерес наш непрофессиональный, а чисто познавательный. То есть, мы не археологи и не мифологи (есть ли такая профессия?). Авторы данной статьи – краеведы-любители. В силу давнего интереса к такому необычному историко-археологическому объекту как гора Манхай, у нас накопился некоторый запас научной и мифологической информации, и мы решили поделиться этой информацией, а также своими субъективными впечатлениями и размышлениями с широкой публикой. Ибо видим в этом определенную социальную необходимость и научно-прикладное значение.

Несмотря на многолетний интерес – на Манхае мы побывали всего два раза: 20 апреля 2013 (рис.1,2,3) и 25 сентября 2025 года (рис.4, 5, 6). Можно сказать, это довольно поверхностное визуальное знакомство.

Разумеется, мы не имеем четкого представления всей топографии произведенных археологических раскопок на данном объекте – в этом плане мы, безусловно, проигрываем археологам-профессионалам. Но если внимательно читать научные публикации археологов по данному археологическому памятнику, то можно с удивлением обнаружить, что у

каждого археолога свой неповторимый образ горы Манхай и они, эти образы, как ни странно, мало совпадают между собой.

Рис. 1. Вид на гору Манхай (со стороны пос. Усть-Ордынский). 20.04.2013.
Фото авторов.

Более или менее, они согласны в том, что существует Манхай I и Манхай II, где они расположены и что их разделяет. А вот дальше, что касается хронологии исследуемых объектов, реконструкции их реального исторического смысла и значения, кто и когда там жил, обитал и оставил следы на Манхае, то здесь имеется широкий диапазон разнообразных мнений и представлений всей совокупности археологов (от И.В. Асеева, П.П. Хороших и А.П. Окладникова, до А.В. Харинского, Б.Б. Дашибалова, Л.В. Мельниковой, В.С. Николаева и многих других).

Естественно, что у широкой публики, которая черпает информацию в основном из периодической печати и интернет, от своих соседей и просто случайных знакомых, диапазон разнообразной информации и представлений об историко-археологическом памятнике «Гора Манхай», разнообразие образов и представлений на порядок больше, чем у археологов. Прежде всего потому, что у широкой публики всегда вызывают главный интерес необычные факты и яркие картины мифологического плана и содержания, а точная научная информация, добытая археологами, для широкой публики имеет второстепенное или третьестепенное значение. То есть, в среде широкой публики явно доминирует мифологический образ горы Манхай, созданный из всего услышанного и прочитанного, плюс переработанного собственной творческой фантазией.

Рис. 2. Следы стихийных разработок плиточника горы Манхай (со стороны пос. Усть-Ордынский). 20.04.2013. Фото авторов.

Впрочем, и у самих археологов профессионалов (они ведь тоже вполне нормальные люди, а не небожители) есть свои фантазии и слабости, как своя собственная, годами выстроенная мифология, в которую отдельные археологи очень сильно веруют.

Так, например, существует многолетний миф о том, что археологи очень много делали усилий, чтобы спасти археологический памятник Манхай от разрушения и разграбления, но суровая действительность, неразумные руководители предприятий и алчные непросвещенные предприниматели и грабители разрушили и местами почти уничтожили все уникальные манхайские писаницы.

Рис. 3. Современные «писаницы» - следы человека в 2000м году.
20.04.2013. Фото авторов

Существует и другой миф, поддерживаемый некоторыми учеными, что когда-то на Манхае (то ли в XIX, то ли в XX веке) собирались тысячи людей

на проводимые обряды и моления, и приносили в жертву сотни и тысячи животных, и что весь Манхай усеян костями этих жертвенных животных, и что Манхай есть главное святилище всех кудинских бурят на протяжении многих веков.

В первый свой визит на Манхай 20 апреля 2013 года мы заходили со стороны Усть-Орды, поднявшись на гору Булен и далее шли по высокому левому берегу Куды то ли 12 то ли 15 километров. Нами двигал миф, что на скальные рисунки древних людей (или плиты с рисунками) сохранились, и мы сможем их сфотографировать, также как некоторые Шишкинские писаницы в Качугском районе. Увы! Дойдя до указанного на картах-схемах места и обследовав (в первом приближении) скальные обнажения, мы обнаружили большую разруху и только современные писаницы (рис.3).

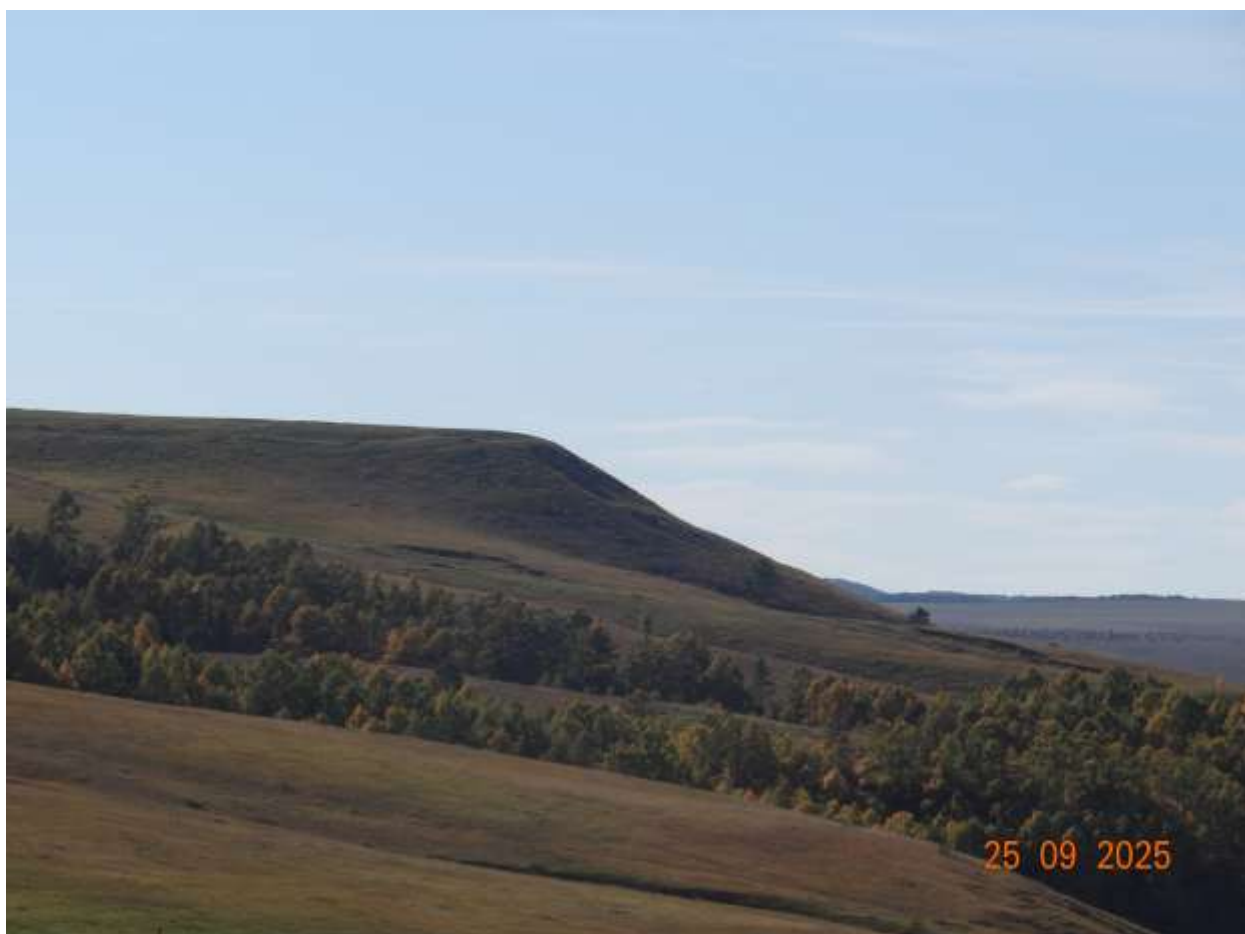

Рис.4. Вид на гору Манхай со стороны пос. Бозой. 25.09.2025. Фото авторов

Во второй свой визит, 25 сентября 2025 года, мы уже не ставили перед собой таких целей, а просто пытались разобраться в топографии и составить для себя схему расположения различных следов многолетней археологической деятельности, и, скажем откровенно, получили только первое, весьма примитивное представление.

Зато, возвращаясь с Манхая, услышали новую легенду от жителей Бозоя о том, что на Манхае находятся заброшенные шахты, где добывали в XX веке уголь, но в последние 30 лет эту добычу забросили, потому что опасно находится в осыпающихся штольнях и никто туда не ходит (на Манхай) ибо там запросто можно провалиться в какую-нибудь глубокую шахту (штольню). До сих пор бьемся над загадкой – это очередной миф, или действительно на Манхае велась когда-то добыча угля?

Рис. 5. Вид на гору Манхай со стороны пос. Бозой. 25.09.2025. Фото авторов

Далее, чтобы наш читатель лучше ориентировался в мифах Манхая и в действительных археологических исследованиях, позволяющих составлять

реконструкции исторического прошлого археологического памятника «Манхай» на основании научных фактов, мы представляем небольшой обзор публикаций о Манхае, как научных (в основном), так и популярных (из местной прессы и интернет).

Первые письменные сведения о Манхае встречаются у П.П. Хороших. С 1921 по 1926 гг. он неоднократно бывал в окрестностях Манхая по поручению ВСОРГО и других научных учреждений.

Летом 1924 года на горе Манхай сыном местной учительницы Б. Быстровым была найдена плита с изображением лошади [14].

В публикациях П.П. Хороших (1949, 1951) присутствует описание городищ Манхай I и Манхай II, приведены рисунки изображений различных животных, человеческих фигур, сцен охоты и дается их характеристика: техника исполнения, содержание, сюжет. А также дается оценка их давности и предполагаемой народности [21, 22].

Так, П.П. Хороших сообщает, что по юго-восточному склону горы Манхай около писаницы сохранились остатки разрушенного городища, которое ранее было обнесено невысокой стеной, сложенной из плоских плит песчаника без цемента. Во время поездки в 1925 году П.П. Хороших на юго-восточном склоне горы Манхай было открыто новое вырезанное изображение всадника. Но, по видимому, оно не древнего происхождения (бурятские онгоны).

В 1947 году здесь открыты новые изображения на скалах, идущих к вершине горы (всадники) и отдельные фигуры лошадей. Изображения людей в отличие от животных очень условны, схематичны. Наибольший интерес представляет сцена охоты всадников на самку марала. Подобные изображения обнаружены А.П. Окладниковым на курыканских писаницах у дер. Шишкино на реке Лена.

Можно предполагать, что значительная часть рисунков на горе Манхай относится к древнетюркским изображениям курыканской группы.

По бурятским легендам городища Кудинских степей приписываются «хара-монголам». Преданий о писаницах на горе Манхай у бурят не имеется [21].

Летом 1948 года на горах Манхай I и II проводилась экспедиция под руководством П.П. Хороших. Рисунки и фотоснимки с писаниц, сделанные этой экспедицией, хранятся в Иркутском областном музее.

На горе Манхай II были обнаружены разнообразные наскальные рисунки ранней поры железного века. Рисунки высечены на гладких выступах скал из красного песчаника, выходы которого идут по южному склону горы Манхай II у самой ее вершины.

Основные сюжеты – облавные охоты на коз. Охотники несутся на лошадях полным карьером.

При анализе рисунков видно, что они принадлежат не одной народности и давность их различна. Часть рисунков (более древних) относится к группе кыргыских (хакасских) рисунков первых веков нашей эры. Вторая группа, вероятно, принадлежит курыканам [22].

В 1952 году экспедицией под руководством А.П. Окладникова, исследовавшей городище и писаницы горы Манхай, были открыты и начаты раскопки каменных кладок, отличительной чертой которых являлись вертикально вкопанные плиты. Исследовавшийся до 1957 года могильник состоял из 13 кладок, которые и были раскопаны. Полученный в результате раскопок материал лишь частично опубликован, причем не показаны как обстоятельства находок, так и их принадлежность к определенной могиле [13].

По другим данным на Манхай приходится 12 плиточных могил, характеристика которых была дана А.П. Окладниковым (1955). В 12 плиточных могилах Манхая, по данным Окладникова, были найдены 3 костяные накладки лука, 1 железный и 1 костяной наконечник стрел [24].

В статье [2] упоминается о крупномасштабных раскопах (8 ям в южной части памятника) в 1950-х годах под руководством А.П. Окладникова. Были

найжены большое количество костей, скорее всего, бытовых отходов, и фрагмент берестяного сосуда [2].

Рисунки петроглифов Манхая впервые были опубликованы в фотографиях И.В. Асеевым (1980), который летом 1975 года побывал на городище Манхай I [14].

В монографии Б.Б. Дашибалова «Археологические памятники курумчан и хори» (1995) сообщается, что керамика городища Манхай в целом однотипна керамике городища Улан-Бор. На городище были найдены: костяные двудырчатые псалии, железная распределительная пряжка, часть рога косули с заостренными концами, поделка из богхеда, костяной шпенок с уплощенным концом. Железные наконечники представлены тремя типами: плоский треугольный срезень, плоский срезень в виде вытянутой лопаточки и плоский пятиугольный широкий наконечник с ребрами. Костяные наконечники относятся к двум типам: листовидному и удлинено-листовидному. Кроме того, имеется костяная поделка, которую И. В. Асеев предлагает рассматривать как наконечник стрелы [1]. Наконечники городища Манхай датируются в рамках XIII – XIV вв. н. э.

Курумчинская керамика (А.П. Окладниковым была предложена дата существования курумчинской культуры – VI–X вв. н. э.) была найдена на четырех городищах: Кулаково-I, Ута-Хошун, Манхай и Улан Бор. Некоторые городища (Манхай, Хашхай) располагаются рядом с курумчинскими петроглифами, при этом на городище Манхай известны находки плиток с рисунками, узор на одной из плит поразительно схож с орнаментацией на курумчинском горшке из поминальника у озера Нурэ [5].

Краткость публикаций не позволяет использовать имеющиеся данные как полноценный источник. Для того чтобы составить соответствующее представление о городище Манхай, необходима исчерпывающая и документированная информация [5].

В более поздней публикации (2010) Б.Б. Дашибалов отмечает: «Мощность культурного слоя на Манхае составляет 35 см. Раскопами

вскрыты остатки больших кострищ, вокруг которых разбросаны кости домашних и диких животных. В южной части городища – «хозяйственные ямы». Необычно, что на территории городища находились плиточные могилы, а на каменных плитах вокруг стен многочисленные курыканские рисунки. Имеющиеся факты не позволяют интерпретировать памятник иначе, как культовый. Почитание современными бурятами горы Манхай наглядно свидетельствует о наследии курыканских культовых традиций [6].

Полное копирование известных петроглифов горы Манхай выполнено летом 1997 года В.С. Николаевым и Л.В. Мельниковой. Авторы отчета сообщают: «Петроглифы городища Манхай 1 выполнены на обнажениях красноцветного верхнекембрийского песчаника с запада и юго-запада обрамляющих гору Манхай 1. Протяженность пояса скальных обнажений, на которых высечены рисунки, составляет около 40 м. ... Выявлено 13 плоскостей с рисунками, сохранность которых большей частью является неудовлетворительной. На 13 плоскостях выявлено и описано 44 изображения.

Часть плиток была опубликована исследователями. Однако при работе в фондах Усть-Ордынского краеведческого музея и Иркутского музея авторами отчета было обнаружено 29 неопубликованных плиток с городища Манхай I в разные годы поступившие на хранение.

На 1998 год в фондах Усть-Ордынского краеведческого музея хранилось 23 плиты с петроглифами, из них 15 плит признаны авторами отчета бесспорно подлинными. В фондах Иркутского областного художественного музея хранилось 6 плиток с городища Манхай. Из них 5 поступили 28 декабря 1974 года от Института истории, филологии и философии СО АН СССР в обмен на костяные пластины с изображениями древнетюркского населения с р. Унги» [14]

Таким образом, авторы отчета указывают, что располагают информацией о 21 разрозненной плитке, найденной в разные годы на городище Манхай. Если учесть первую плитку, найденную Б. Быстровым в

1924, и опубликованную П.П. Хороших (1930), 12 плиток, опубликованными И.В. Асеевым (1980), 5 плиток, опубликованных А.П. Окладниковым (1961), а также 1 плитку, опубликованную Ванштейном (1991), то их общее число возрастает до 40 шт.

В 1963 году в своей публикации П.П. Хороших говорит, что при раскопках вала и рва городища было обнаружено 60 плит с петроглифами. Для полной проверки необходимо осмотреть плиты, хранящиеся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске [14].

Гора Манхай II расположена южнее Манхай I в непосредственной к ней близости, отделена от первой глубоким залесенным распадком. Склон крутой, травянистый, по форме профиля относится к прямым. В юго-восточном направлении переходит в открытый склон хребта. Обнажения красноцветных песчаников находятся в верхней части открытого западного склона. По описанию П.П. Хороших (1951) изображения на горе Манхай II выполнены менее глубокими линиями по сравнению с техникой выполнения петроглифов на горе Манхай I [14].

Обзор археологического изучения Кудинской долины приводит в своей статье Г.Л. Иванов (2013): «В 1953-1957 гг. на горе Манхай А.П. Окладников открывает и раскапывает плиточные могилы (Объект археологического наследия Манхай 3). Немногочисленный материал – накладки на лук и железные наконечники стрел приводят его к выводу о поздней датировке этого памятника и миграции носителей культуры плиточных могил в III в. до н.э. под воздействием экспансии державы хунну (Окладников, 1955). Далее он активно исследовал наскальные рисунки с городища Манхай.

В конце 70-х начале 80-х годов XX века закладываются раскопы и фиксируется представительный археологический материал (Камчатник 1 и Манхай 1), который не получил подробного отражения в научной литературе.

В 1990-2000-х годах в Кудинской долине проводят работы археологи В.С. Николаев и Л.В. Мельникова. Объект их исследования – наскальные изображения, в том числе, на горе Манхай [7].

А.В. Харинский утверждает, что как считал П.П. Хороших, использование каменных плиток с рисунками для укрепления рва городища свидетельствуют о двух этапах существования памятника. Рисунки были оставлены какой-то тюркской народностью в первых веках н.э., еще до прихода сюда курыкан. Курыкане же пришедшие в Кудинские степи на ранее VI в.н.э., изменили внешний вид Манхая, насыпав валы, которые укрепили вырубленными в скале плитами с рисунками. Материалы, полученные в ходе раскопок Манхая, опубликованы лишь частично [19 цит. по 1, 23].

В 70-80- годы на Манхае проводились работы рекогносцировочного характера, в результате которых были обнаружены новые плиты с рисунками [19].

В статье 2017 года «Городища-святилища в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии» А.В. Харинский приводит детальное описание планиграфии городища Манхай: «Размеры прибайкальских городищ-святилищ сильно различаются. Самым крупным в Байкальском регионе является Манхай 1 (780*880 м). Оно расположено на левом берегу реки Куды и включает две плоских горы высотой 85-90 м. Северная из них называется Манхай I, южная – Манхай II. С северной, западной и южной сторон горы оканчиваются крупными обрывами. С восточной стороны они соединяются перешейками с основным горным массивом. Отсюда она наиболее доступны, поэтому к востоку от Манхая в древности были вырыты две линии рвов, расположенных на расстоянии 145-205 м друг от друга. Ширина первого внешнего рва 8-10 м. длина – около 650 м. Длина второго рва, расположенного к западу от него – 417 м, ширина – 5 м.

С востока и северо-востока гора Манхай I защищена фортификационной системой, состоящей из двух участков – восточного и северо-восточного. Протяженность восточного участка – 150 м. Он включает

два вала и три рва – внешний, средний и внутренний. Ширина валов и рвов между ними по 5 м.. Проходом шириной 10-11 м восточный участок фортификационной системы отделен от северо-восточного. Длина северо-восточного участка – 65 м. Оно состоит из вала и расположенного с внутренней стороны от него рва [20.]

Городища и стоянки горы Манхай являются объектами археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов России. На сайте Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области размещена информация о перечне археологических объектов федерального значения (по данным на февраль 2025). В этом перечне, в том числе, упомянуты 9 объектов федерального значения, относящихся к горе Манхай: № 74 – Городище Манхай, №№162-166 стоянки Манхай I, II, III, IV и V, 171 – Могильник Манхай, 243 – Петроглифы Манхай, 244 – Петроглифы Манхай II [16]. При этом охранные обязательства упомянуты только на 7 объектов (Петроглифы Манхай и Петроглифы Манхай II – не указаны) [15].

В отчете Службы за 2016 году указано, что в 2016 году были обследованы: Городище Манхай, Могильник Манхай, Петроглифы Манхай. Их состояние описано как неудовлетворительное.

Охранные обязательства указаны на сайте Службы на следующие объекты:

Городище Манхай. Памятник федерального значения. Средние века.
Могильник Манхай. Памятник федерального значения. Железный век.
Манхай I. Памятник федерального значения. Неолит – железный век.
Манхай II. Памятник федерального значения. Неолит
Манхай III. Памятник федерального значения. Железный век.
Манхай IV. Памятник федерального значения. Палеолит.
Манхай V. Памятник федерального значения. Железный век.

На основе их анализа можно проследить хронологию принятия актов по вышеуказанным объектам-памятникам.

Так, решение о включении объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации было принято на основании Постановления Главы администрации Усть-Ордынского Бурятского Автономного округа от 15.05.2002 года.

Границы памятников были признаны Приказом Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 14 марта 2014 года.

Утверждение предмета охраны, режима использования территории принято Приказом Службы от 14 июня 2022 года.

Охранные обязательства были утверждены 23 марта 2023 года [15].

Здесь мы должны уделить внимание проблеме охраны этих памятников.

Постепенное уничтожение плит с окрестностей горы Манхай начинается с конца 1940-х годов [21]. Стихийные разработки плиточника на Манхае начались с 2000 года [3].

Гору Манхай II постигла печальная участь – её скальники вместе с древними рисунками были взорваны, чтобы проложить проселочную дорогу [12].

В «Путеводителе по Усть-Ордынскому Бурятскому округу» (2022) отмечается, что на сегодняшний день этот памятник находится на грани разрушения из-за варварского отношения людей [18].

В СМИ в 2007-2008 гг. появилось несколько статей о современном состоянии и сохранении памятника Манхай: «Манхай и другие святыни будут защищены», «Мародеры растаскивают гору по кускам», «Быть ли будущему Манхэ. Если не остановить вандалов» [3, 10, 26].

Цикл публикаций появился в связи с тем, что летом 2007 года началась проверка по факту ведения хозяйственных работ на городище Манхай и определению наличия и степени вреда, причиненного объекту археологического наследия. Общая площадь разрушений составила 8400 кв.м (для сравнения, в статье А.П. Окладникова указывается, что в период с 1952

по 1957 гг. раскопами вскрыта площадь 2,5-3 тыс. кв.м [цит. по 8]). Но обвинить виновных в разрушении археологического объекта нельзя. Во-первых, не установлен реальный ущерб. Во-вторых, на момент проведения работ границы городища Манхай, как памятника, не были установлены и не разграничены от месторождения полезных ископаемых. В-третьих, нет и информационного обозначения памятника [26].

По словам Л.В. Мельниковой, из 44 рисунков, располагавшихся на 13 плоскостях, уничтожены 4 плоскости с 10 самыми яркими изображениями [3].

В сентябре 2007 года анонсировалось о начале экспедиции группы ученых из Иркутского технического университета и Бурятии на гору Манхай: «В последние 10 лет наскальные рисунки стали исчезать. Плитняк с этой горы увозят как строительный материал для отделки коттеджей и элитных особняков. Цель поездки ученых – изучить на месте ситуацию и предложить различные варианты по реставрации древних петроглифов» [25]

В настоящее время гора является священным местом в духовной жизни бурят [4].

О раскопках археологов на горе Манхай в 2017 упоминается в статье [2]. Но нам не удалось найти публикаций о результатах работы этой археологической экспедиции.

В 2017 году в газете «Эхирит-Булагатский вестник» сообщалось об исследовании горы Манхай археологом Романом Белиникиным, членом Русского Географического общества из Москвы: «... сегодня я достиг цели, посетив культовый Манхай. Увиденное меня впечатляет, хотя есть и поводы для разочарования... Манхай уникален, но этот памятник древней цивилизации фактически никак не охраняется. На протяжении нескольких лет с горы вывозят скальник с древними изображениями, который идет на продажу для строительных нужд. Сейчас попытки остановить воровство предпринимают только отдельные активисты и общественные организации. В 2010 году через Манхай прошла этнографическая экспедиция с целью

сбора материалов по теме «Культовые объекты на древнем пути от Байкала до Лены. Взаимопроникновение культур», были проведены шаманские обряды» [17].

О результатах упоминаемой экспедиции нам не удалось ничего найти.

М.А. Байбородина и Е.А. Паук в вышеупомянутой статье сообщают об организованной в 2019 году Иркутским областным краеведческим музеем экспедиции по изучению культового места – горы Манхай. Статья является оформлением предварительных итогов визуального обследования этнографического объекта-святилища. Обряды, небольшие жертвоприношения проходят в настоящее время и имеют не систематический характер [2].

Наличие законов федерального и регионального значения позволяют обеспечить охрану и сохранение объектов, насколько это возможно. С другой стороны, принятых актов недостаточно для решения данной проблемы [9].

Успешное решение вопросов по охране таких памятников можно решить при помощи музеефикации данных объектов, создание историко-культурного заповедника или археолого-этнографического музея [9].

В литературе можно встретить несколько толкований слова «Манхай»:

- с бур. Манхэ – громада [14].
- с тюркского «хай (кай)» значит «скала», «утес» [2]
- с тюркского «огороженная скала, гора» [5 цит. по 11].

После представленного выше краткого обзора о том, что есть гора Манхай и что там нашли археологи, а также того, что там происходит в настоящее время и что ожидается в ближайшем будущем, мы рискуем «озвучить» свои соображения и предположения. Риск, громко говоря, заключается в том, что никто нашей публикации не заметит, а если кто и заметит, то может либо не понять, либо вообще посчитать фантазией и бреднями дилетантов. Тем не менее, говорить и писать необходимо разные мнения и предположения, а не только те, которые нравятся выдающимся мэтрам региональной археологии. Мы не претендуем на особую

объективность наших выводов и рассуждений, и в то же время, глубоко сомневаемся в том, что у кого-то (из выдающихся профессионалов археологии) есть абсолютно объективные выводы и аргументы, не нуждающиеся в критическом осмыслении и анализе.

Рис. 6. Следы раскопок на горе Манхай. 25.09.2025. Фото авторов
Выводы и предложения.

1. Гипотезу, продвигаемую отдельными археологами о том, что гора Манхай всегда была святилищем и никогда не была обитаемой, а все валы и рвы (фортификационные сооружения) имели только ритуальное значение для охраны духов (как в отношении Манхая, так и в отношении городищ Капсал I-IV), мы считаем научно-необоснованной и мифологически-фантазийной гипотезой, изобретенной для манипулирования общественным мнением во имя отрицания результатов всех прежних археологических изысканий. Эта гипотеза нуждается в критическом технологическом анализе во имя того, чтобы в научную археологию не проникали методы мистики, мифологии и

хитроумные субъективные измышления (под видом высочайшего непревзойденного археологического профессионализма).

2. К ученым-археологам небольшие замечания: если вы сделали радиоуглеродную датировку одного артефакта или одного археологического объекта – не надо создавать миф о том, что вы подвергли все археологические объекты и артефакты всеобъемлющей радиоуглеродной датировке и распространять этот миф с помощью цитирования из одной статьи в другую, занимаясь мистификацией и самообманом.

3. Предложения. Во-первых, необходимо разрушить миф о том, что историко-археологический памятник «Манхай» является де-факто охраняемым (что якобы произошло после внесения его в реестр в памятников федерального значения). Охраной памятника по-прежнему, никто не занимается, ни ученые-археологи (это, по традиции, не их дело), ни местные власти, ни шаманы, ни духи (если было бы обратное, то не произошло бы всего того, что произошло за последние 85 лет (с того времени, как начали взрывать гору Укыр и обнажения красноцветных позднекембрийских плитняков).

Поэтому, предложение первое: в ближайшие годы (2026-2028 гг.) необходимо создание историко-археологического музея-заповедника «Гора Манхай» областного или даже федерального значения с размещением научно-охранного стационара в непосредственной близости с музеем-заповедником.

Предложение второе: необходимо организовать постоянную системную работу по изучению памятника «Гора Манхай», направленную на ежегодное проведение археологических исследований и полную инвентаризацию и анализ того, что было найдено, что сохранилось и что навсегда и практически бесследно утрачено.

Предложение третье. Шаманские ритуальные обряды производить можно, но при обязательном согласовании с музеем-заповедником и при соблюдении соответствующего охранного режима.

Предложение четвертое. Для проведения соответствующих работ по созданию музея-заповедника «Гора Манхай» целесообразно создание организационного комитета под эгидой администрации Усть-Ордынского Бурятского округа с участием ученых археологов, историков и краеведов.

Предложение пятое. Параллельно с организационным комитетом по созданию музея-заповедника создается постоянно действующая научно-исследовательская историко-археологическая экспедиция «Гора Манхай», ориентированная на организацию и проведение полевых исследований на территории музея-заповедника и в его ближайших окрестностях.

4. Без всякого сомнения, авторы настоящей статьи не испытывают иллюзий, что их оценки и предложения будут услышаны и поняты учеными археологами, историками, этнологами, а так же так называемой прогрессивной общественностью, в том числе и властно-правовыми структурами Усть-Ордынского Бурятского округа.

Скорее всего, наши предложения останутся теоретической утопией и не будут когда-либо осуществлены, а субъективные рассуждения будут восприняты выдающимися иркутскими археологами как вымыслы. Такова жизнь и таковы научные и житейские традиции. Но кто-то же должен рассказать о том, что существуют иные взгляды на историко-археологический памятник и иное видение археологической реконструкции и интерпретации, чем-то, которое транслируют профессиональные археологи. Мы это сделали потому, что поиск научной истины для нас важнее создания собственной мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск, 1980. 149 с.
2. Байбородина М.А. [Святылище Манхай: исследования и современное состояние](#) / М.А. Байбородина, Е.А. Паук // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Иркутск, 28 апреля 2020). Иркутск, 2020. С. 10-16.
3. Барбаева А. Манхай и другие святыни будут защищены // Панорама округа. 2007. 21 сент.
4. Время поклонения предкам // Знамя труда. 2021. 24 (25 июня).

5. Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН. 1995. 191 с.
6. Дашибалов Б.Б. Новое в изучении курумчинской культуры Прибайкалья // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (Средневековье). – Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН. 2010. С. 177-191.
7. Иванов Г.Л. Археологическое изучение Кудинской долины: люди, памятники, идеи... // Краеведческие записки. 2013. Вып. 20. С. 6-16.
8. Клементьев А.М. [Домашние и дикие млекопитающие средневекового городища Манхай \(по материалам раскопок 2010-2014 гг.\)](#) / А.М. Клементьев, В.С. Николаев // В сборнике: Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. С. 152-155.
9. Кузьмина А.А. [Реализация законодательства Иркутской области в отношении охраны памятников истории и культуры \(на примере Манхайских писаниц\)](#) / А.А. Кузьмина // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXIII межрегиональной молодежной научно-практической конференции с международным участием. Иркутск. 2020. С. 430-436.
10. Мародеры растаскивают гору по кускам // СМ Номер один. 2007. 2 авг.
11. Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Ономастика Бурятии.— Улан-Удэ, 1976.
12. Наскальные рисунки священной горы Манхай // Сайт-путеводитель по Байкальскому региону. Режим доступа: <https://baikalgo.ru/where/naskalnye-risunki-svjashhennoj-gory-manhaj/> (Дата обращения 1.11.2025)
13. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 428 с.
14. Отчет о полевых археологических исследованиях петроглифов в долине р. Куды в Эхирит-Булагатском районе Усть-Ордынского Автономного округа Иркутской области и в долине р. Лены в Качугском районе Иркутской области летом 1997 года. Том 1. Авторы отчета специалисты-археологи ЦСН Николаев В.С., Мельникова Л.В. / Центр сохранения исторического и культурного наследия. Археологическая служба. Иркутск. 1998. Рукопись.
15. Охранные обязательства // [Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области](#). Официальный сайт. Режим доступа: https://irkobl.ru/sites/oknio/ohrannie_obyazatelstva/Arxeolog/ (Дата обращения 1.11.2025)
16. Перечень объектов культурного наследия. [Перечень объектов археологического наследия федерального значения Иркутской области \(по](#)

состоянию на 1 февраля 2025 года) // Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Официальный сайт. Режим доступа: <https://irkobl.ru/sites/oknio/nerecen/>

17. Просекин В. «Московский взгляд» на бурятскую святыню. Столичный археолог исследует гору Манхай // Эхирит-Булагатский вестник. 2017 41 (15 сент.).

18. Усть-Ордынский бурятский округ от А до Я: путеводитель. – Иркутск: Типография «Форвард». 2022. 100 с.

19. Харинский А. В. Кудинские городища-святилища: планиграфия и конструкция // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. №2 (22). С. 133-136.

20. Харинский А.В. Городища-святилища в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии // Труды V (XXI) Всероссийского съезда. Т. II. – Барнаул. 2017. С. 142-147.

21. Хороших П. П. Писаницы на горе Манхай // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1949. Вып. 25. С. 127-131.

22. Хороших П. П. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 191-195.

23. Хороших П. П. Памятники древнетюркского искусства на горе Манхай (Кудинские степи) // Краткие сообщ. о н.-и. работах за 1961 г. - Иркутск : Иркут. ун-т, 1963. - С. 248-249.

24. Цыбиктаров А.Д. Особенности памятников культуры плиточных могил в Прибайкалье как источник по изучению взаимоотношений древних групп населения в Байкальском регионе (к постановке проблемы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. 2(19). С. 30-42.

25. Экспедиция на Манхай // Эхирит-Булагатский вестник. 2007. 73/74 (1 сент.).

26. Яковлева О. Быть ли будущему Манхая. Если не остановить вандалов // Панорама округа. 2008. 5 июн.

A.V. Vinober, E.V. Vinober

Irkutsk, Russia

MOUNT MANHAI: MYTHOLOGY AND ARCHEOLOGY

Despite many years of cognitive interest in such an unusual historical and archaeological site as Mount Manhai, the authors visited Manhai only twice: on April 20, 2013 and September 25, 2025. It can be said that this is a rather superficial visual acquaintance. The article reflects some myths that exist among the general public and archeological scientists about the historical past of Mount Manhai, as well as a brief overview of publications about Manhai, both scientific (mostly) and popular (from the local press and the Internet). The main suggestion of the authors is the need to create a historical and archaeological museum-reserve "Mount Manhai" of regional or even federal significance with the placement of a scientific and security hospital in close proximity to the museum-reserve.

Keywords: Mankhai Mountain, Mankhai settlement, Ehirit-Bulagat district, reconstruction, archaeological excavations, mythology

Поступила в редакцию 25 декабря 2025

УДК 94 (571.5)

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ССЫЛЬНЫМ
ДЕКАБРИСТАМ ДЛЯ КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ СЕЛА ОЕК
ИРКУТСКОГО РАЙОНА И СЕЛА ТУГУТУЙ ЭХИРИТ-
БУЛАГАТСКОГО РАЙОНА
(К 200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ)**

В настоящем очерке автор делает попытку взглянуть на старую краеведческую тему, озвученную 100 лет назад, в 1925 году известным декабристоведом Б.Г. Кубаловым: «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы» с позиций современных возможностей, с учетом нереализованных за прошедшее столетие былых возможностей краеведческого поиска. Сделаны предложения о необходимости создания оригинальных экспозиций о судьбе и жизни декабристов С.П. Трубецкого в Оекском краеведческом музее и А.Л. Кучевского в Школьном краеведческом музее с. Тугутуй.

Ключевые слова: декабрист Трубецкой, декабрист Кучевский, село Оек, село Тугутуй, краеведческий музей, краеведческие исследования

Как отмечал в 1925 году краевед А.П. Бажин, необходимо собирать сведения о стариках, еще помнящих декабристов в Прибайкалье и изучать архивные материалы о декабристах [1]. Прошло еще сто лет и можно сказать, что первый пункт уже навсегда потерял актуальность – все когда-то помнящие декабристов давно ушли в мир иной. Поиск архивных материалов по-прежнему актуален, хотя, казалось бы, все (или очень многое) давно уже найдено и давно описано. Но при близком знакомстве с темой пребывания декабристов в Прибайкалье (в местах ссылки) с позиций местного краеведения, оказывается, что есть мало затронутые подходы и источники информации, существенно дополняющие архивные материалы. Во-первых, это легенды и предания о декабристах, кочующие из поколения в поколение в отдельных семьях местных жителей, которые следует подвергать серьезному историко-герменевтическому анализу. Во-вторых, это реконструктивно-аналитические поиски на местности, непосредственно в населенных пунктах, где проживали ссыльные декабристы.

В настоящем очерке я попытаюсь взглянуть на старую краеведческую тему, озвученную 100 лет назад, в 1925 году известным декабристоведом Б.Г.

Кубаловым: «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы» [5] с позиций современных возможностей, с учетом нереализованных за прошедшее столетие былых возможностей краеведческого поиска.

Напомню некоторые из идей и формулировок, представленных Б.Г. Кубаловым в своем докладе в 1925 году:

1. В 20-30-е годы (XIX – А.В.) крестьянство втягивается в круг всероссийских интересов и своеобразно преломляет в своем сознании исторические факты: кончину Александра I, восстание декабристов, их жизнь и ссылку в Сибири.

2. Особый интерес к декабристам среди крестьянства бессознательно поддерживался самим правительством.

3. Декабристы умело подошли к крестьянству со стороны коренных интересов – крестьянского хозяйства.

4. В вопросе о наделении декабристов землею из общих земель крестьянство охотно шло им навстречу, исключая кулаков-мироедов, выступавших с протестом.

...

7. Улучшение системы земледелия, огородничества, садоводства.

8. Декабристы кровно роднились с крестьянством, женись на крестьянках, они бросали вызов сословности, разрушая классовые перегородки.

9. Близость декабристов к крестьянам была не по нутру сельской власти, с злоупотреблением которой боролись декабристы.

10. Декабристы способствовали росту гражданского развития и сознания человеческого достоинства крестьян.

11. Декабристы были народными учителями.

12. Память о декабристах среди крестьянства» [5]

В качестве подтверждающего примера о верности тезиса Кубалова можно привести выдержку из письма петрашевца Н.Ф.Львова А.И. Герцену,

написанного осенью 1860 год из с. Олонки, где он описывает, в частности, эпизод из жизни ссыльного декабриста В.Ф. Раевского: «... мало, что он честно исполнял свои обязанности к откупу, он обогатил сотни окрестных крестьян этого перевозкою вина, потому что, устранив всякое вмешательство чиновников в эту операцию, он сам, конечно, не брал ничего с крестьян за допущение к выгодной перевозке, и таким образом обе стороны – и откуп, от которого он получал жалование, и крестьяне, занимающиеся перевозкою, остались в выгоде. В особенно же он много сделал для селения Олонки, в котором был приписан крестьянином и где женился на тамошней крестьянке. Там он был настоящим мирным судьей. Крестьяне этого селения почти не прибегали к земской власти в своих делах, а шли к Раевскому – его суд был для них авторитетом» [11].

В таком же духе сложились отношения ссыльных декабристов С.П. Трубецкого и Ф.Ф. Вадковского с крестьянами села Оек, в котором они оказались на поселении [3, 4]. Декабрист А.Л. Кучевский сосланный на поселение в село Тугутуй женился на местной крестьянке А.Е. Ревякиной и также успешно находил общий язык с крестьянами с. Тугутуй [9, 2].

Для краеведов с. Оек и с. Тугутуй может представлять интерес исследование судьбы сына А.Л. Кучевского Федора Кучевского, который по настоянию отца был отдан на воспитание в семью декабриста С.П. Трубецкого и жил в Иркутске, Киеве и Москве, опекаемый ссыльным князем С.П. Трубецким. Федор Кучевский поступил в Московский университет (по упоминанию Ефимова [7]). Вполне вероятно, что это первый житель (абориген!) с. Оек и с. Тугутуй, закончивший Московский университет в XIX веке.

У иркутского летописца Нита Романова есть упоминание о некоем Кучевском: «6 января [1888] приехал г. Кучевский, уполномоченный английской коммерческой компанией быть ее агентом в Томске. Директор английской экспедиции на пароходе «Феникс», зимующем в Енисее, г. Сюлеван передал ему некоторые образцы товаров, которые можно

выписывать прямо из Англии для ознакомления с ними иркутского купечества, дабы иркутянам дать возможность приобретать заграничный товар всех родов и названий» [12].

Вполне вероятно (рабочая гипотеза) что этот уполномоченный Кучевский и есть сын декабриста – Федор Александрович Кучевский, приехавший в Иркутск не только по коммерческим интересам, но и с личной целью – побывать в Тугутуе, ибо, возможно, что была жива еще его мать А.Е. Кучевская (известно, что Федор вел активную переписку с родителями, будучи гимназистом в Киеве (в семье С.П. Трубецкого) [14]).

Из статьи краеведа Е.Нефедьева (Хомутово) [8] известно, что ссыльный В.К.Кюхельбекер, друг Пушкина, следуя из Баргузина в Курган, заезжал к С.П. Трубецкому в Оек, и, возможно, оставил на воспитание свою дочь (где встречается это воспоминание). Таким образом, в композициях Оекского краеведческого музея может появиться новый исторический персонаж – Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

Несколько опережая события (до формирования конкретных предложений) я бы порекомендовал краеведам с. Оек и с. Тугутуй познакомиться к уникальным опытом краеведческого музея Мамско-Чуйского района, особенно в плане привлечения к краеведческой работе местных пенсионеров [13].

Конкретные предложения заключаются в следующем.

1. Ознакомившись с состоянием краеведческой работы по декабристам с. Оек и с. Тугутуй (которая велась на протяжении 1925-2025 гг.), я пришел к выводу (прошу прощения, коллеги, за излишнюю нескромность), что эта работа велась точечно, эпизодически, экстенсивно и бессистемно (это имеет отношение, в основном, к иркутским декабристоведом, изредка наезжавшим в с. Оек и с. Тугутуй). Вполне возможно, что я не полностью знаком с результатами их изысканий, которые имеются в неопубликованных отчетах. Но я считаю удивительным тот факт, что в с. Оек не обнаружено место пребывания (жилые дома) С.П. Трубецкого и Ф.Ф. Вадковского, по которым

встречаются достаточно подробные описания (где находились жилые дома). Более того, я не исключаю гипотезы, что дом, в котором проживал С.П. Трубецкой и где побывали многие известные ссыльные гости все таки сохранился по наше время.

2. Считаю, что вполне вероятно, возможно достоверно установить место захоронения декабриста А.Л. Кучевского в Тугутуе, ибо могут быть еще живы старожилы, которые помнят, где находилось старое кладбище.

3. Новый субъект (персона) для исследований краеведов с. Тугутуй и с. Оек – сын ссыльного декабриста А.Л.Кучевского, переданный на воспитание в семью декабриста С.П. Трубецкого. Вполне вероятно, можно прояснить, как сложилась его дальнейшая судьба. И в отношении Федора Кучевского и в отношении его отца – декабриста А.Л. Кучевского, весьма вероятно, хороший результат может дать поиск по архивам И.В. Ефимова, который привез из Тугутуя в Оек, в семью Трубецких, Федора Кучевского. В качестве рабочей гипотезы предлагаю рассмотреть приобретения писем (переписки) А.Л. Кучевского, которые И.В. Ефимов выкупил у вдовствующей жены декабриста А.Л. Кучевского, неоднократно приезжая в Тугутуй [6].

4. Как отмечал в свое время Е.А. Ячменев: «В селе Оек Трубецкие поселились после забайкальской каторги с 3 октября 1839 года и жили по конец лета 1845 года, когда перебрались в губернскую столицу» [15]. То есть, без самого малого, шесть лет прожили Трубецкие в Оеке. И многие моменты этого периода их жизни могут быть восстановлены из писем С.П. Трубецкого и переписки других декабристов, из писем его жены – Екатерины Трубецкой. Вполне вероятно осуществить реконструкцию основных событий пребывания Трубецких в Оеке и отразить её в креативной достоверной экспозиции в местном краеведческом музее.

5. Декабрист Вадковский прожил в Оеке несколько меньше, но также оставил яркий след, который возможно реконструировать из переписки с декабристами и из анализа архивных документов по Оеку первой половины XIX века.

В результате, в местном краеведческом музее могла бы появиться яркая и единственная в своем роде экспозиция, рассказывающая о судьбе декабриста Вадковского и его жизни в селе Оек.

6. В школьном краеведческом музее с. Тугутуй могла бы также появиться яркая и оригинальная экспозиция о судьбе и жизни декабриста А.Л. Кучевского, прожившего в Тугутуе 32 года.

7. Оекским краоведам, на мой взгляд, целесообразно уделить внимание в своем поиске и музейном оформлении сыну декабриста С.П. Трубецкого – Ивану, родившемуся в Оеке в мае 1843 года. Иван Трубецкой в 1859 году стал студентом Московского университета [10]. Думаю, что весьма вероятно, это первый студент МГУ, родившийся в с. Оек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажин А.Г. Памятники пребывания декабристов в Прибайкалье // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, 11-18 января 1925. Обзор работ, тезисы, резолюции. – Иркутск. 1925. С. 72-73. (Бюллетень ВСОРГО. Вып. 6).
2. Винобер А.В. [Фрагменты из истории и современности села Тугутуй Эхирит-Булагатского района](#) / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2021. 1(4). С. 5-14.
3. Винобер А.В. С Оеком связанные судьбы. Очерк первый / А.В.Винобер // Сибирь: прошлое - настоящее - будущее. 2021. 1(4). С. 46-60.
4. Винобер А.В. [С Оеком связанные судьбы. Очерк второй. Сергей Петрович Трубецкой](#) // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее .2021. №2(5). С. 9-16.
5. Кубалов Б.Г. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы. Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд, 11-18 января 1925. Обзор работ, тезисы, резолюции. – Иркутск. 1925. С. 73-74. (Бюллетень ВСОРГО. Вып. 6).
6. Кубалов Б.Г. А.Л.Кучевский и письма к нему декабристов // В кн.: Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926, с. 32-67.
7. Ефимов И.В. Заметки на воспоминания Л.Ф. Львова // В потомках ваше племя оживет. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. С. 78-88
8. Нефедьев С. Друг Пушкина // Ангарские огни. 1975. №151 (20 декабря).
9. Овчинников М. Н. Несколько слов о майоре А. Кучевском // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 2. - Иркутск. 1914. С. 59-61
10. Пашко И.В. «... Прилагать теорию на деле». Воспитание детей в семье декабриста С.П. Трубецкого (по письмам С.П. Трубецкого) // //

Краеведческие записки. Вып. 3. К 170-летию восстания декабристов и 25-летию Музея декабристов в г. Иркутск. – Иркутск. 1995. С. 61-71.

11. Петрашевцы в Сибири: Документальный исторический сборник / Сост. В.Р. Лейкина-Свирская, Ф.Г. Никитина, И.В. Селиванова. – Иркутск: Изд-во «Облмашинформ. 2004. 544 с.

12. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. / Издание подготовлено Н.В. Куликаускене. - Иркутск: ВосточноСибирское книжное издательство. 1993. 544 с.

13. Сильченко В.В., Литвин Т. А. Краеведческие исследования и музей как инструменты сохранения наследия в регионе с разрушенной экономикой: на примере поселка Мама Иркутской области // Вопросы музеологии. 2020. №2. С. 290-309.

14. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Том 2. Письма. Дневник 1857-1858 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 608 с.

15. Ячменев Е.А. Мемориальная коллекция Музея декабристов ИОКМ: от истоков до Иркутского Музея Революции // Краеведческие записки. Вып. 3. К 170-летию восстания декабристов и 25-летию Музея декабристов в г. Иркутск. – Иркутск. 1995. С. 4-60.

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

**PROSPECTS OF RESEARCH ON THE EXILED DECEMBRISTS FOR
THE LOCAL HISTORY MUSEUMS OF THE VILLAGE OF OEK,
IRKUTSK REGION, AND THE VILLAGE OF TUGUTUI, EHIRT-
BULAGAT DISTRICT (DEDICATED TO THE 200TH ANNIVERSARY OF
THE DECEMBRIST UPRISING)**

In this essay, the author makes an attempt to look at the old local history topic, voiced 100 years ago, in 1925, by the famous Decembrist scholar B.G. Kubalov: "Peasants of Eastern Siberia and the Decembrists" from the perspective of modern possibilities, taking into account the unrealized over the past century of the former possibilities of local history research. Suggestions are made about the need to create original expositions about the fate and life of the Decembrists by S.P. Trubetskoy in the Oek Museum of Local Lore and A.L. Kuczewski in the School Museum of Local Lore in Tugutui village.

Keywords: Decembrist Trubetskoy, Decembrist Kuchevsky, village of Oek, village of Tugutui, museum of local lore, local history research

Поступила в редакцию 25 декабря 2025

УДК 94 : 908 (571.5)

*А.В. Винобер, Е.В. Винобер**Иркутск, Россия***КАПСАЛ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЯ**

В статье приводятся краткие сведения о посещении авторами села Капсал Эхирит-Булагатского района. Первая цель поездки – знакомство с современностью, узнать, чем и как живут современные жители села. Вторая цель, похожая на конкретную задачу, состояла в том, чтобы завести знакомства для продолжения исторических и этнографических исследований по Капсалу уже на основе опросов и бесед со старожилами села.

Ключевые слова: село Капсал, Эхирит-Булагатский район, улигершин Николай Гунханов, археологические памятники, сельский клуб, сельская библиотека

30 октября 2025 мы побывали в широко известном историческом селе Капсал Эхирит-Булагатского района. История села Капсал привлекает нас давно, о чем мы уже отмечали в предыдущей статье [2]. В окрестностях Капсала мы проводим изыскания с 2013 года. По преимуществу нас интересует природа: геология и ландшафты Капсальских гор, флора и фауна, а также история Капсальских городищ, являющихся археологическими памятниками федерального значения [3, 4, 5, 6, 7, 10].

Непосредственно в село Капсал мы приехали впервые. Как пишут в сугубо научных статьях – всегда надо сформулировать цели и задачи, предмет и объект исследования и т.п.

Цель была простой – побывать в Капсале, познакомиться с современностью, узнать, чем и как живут современные жители села. Вторая цель, похожая на конкретную задачу, состояла в том, чтобы завести знакомства для продолжения исторических и этнографических исследований по Капсалу уже на основе опросов и бесед со старожилами села, с теми, кто помнит историю своего рода, кто помнит легенды и предания, и, может быть, найти современных знатоков бурятского фольклора, в первую очередь, улигеров, пословиц, сказок и т.п.

С первой целью и задачей мы справились успешно.

Со второй – поначалу казалось, что тоже получится, но в итоге мы перенесли эту задачу на летний полевой сезон 2026 года.

Рис. 1. Капсальский дом культуры. 30.10.2025. Фото авторов

Начали знакомство с селом с посещения Дома Культуры и библиотеки (рис.1). Дом культуры построен полвека назад, в эпоху развитого социализма и в нем полвека проходит культурно-спортивная жизнь села.

Библиотекарь Л.Ф. Бухаева провела нам содержательную экскурсию. Ходят в библиотеку в основном, школьники и пенсионеры. Школьники под руководством Лидии Федоровны проводят небольшие краеведческие изыскания. В частности, коллективными усилиями они вычислили и оформили «фамильное древо» потомков выдающегося капсальского улигершина Николая Гунханова.

Школа была на каникулах, но нам повезло застать директора школы Хабоева Бато Михайловича, который с удовольствием провел для нас экскурсию по школе. Надо сказать, что здание школы - своего рода уникальный исторический объект и архитектурный памятник, возрастом более 150 лет (рис.2).

В общении с одним из старожилов села, мы еще раз убедились, что в Капсале немало пожилых людей помнят свою родословную, и в этом плане село хранит богатый потенциал для краеведческих и этнографических исследований.

Рис.2. Здание Капсальской средней школы. 30.10.2025. Фото авторов

После поездки в село Капсал мы побывали в Окружной библиотеке в пос. Усть-Ордынский, и нашли там первые подтверждения нашей рабочей гипотезы о том, что Николай Гунханов вероятно был учеником другого выдающегося улигершина Елбона Шалбыкова. Действительно, они происходят из одного рода (степень родства пока нам не известна) [11].

По преданиям жителей Капсала учителем Николая Гунханова считается его отец, но о нем ничего пока не известно.

Также нам удалось установить, что в 1881 году известный этнограф и краевед Матвей Николаевич Хангалов, вместе с иркутским ученым Н.Н. Агапитовым, побывали в Капсале и провели обследование Капсальских городищ [8, 1].

Помимо этого мы обнаружили в публикации известного миссионера и этнографа протоиерея Константина Константиновича Стукова, интересный факт, который имеет прямое отношение к истории села Капсал: «Кудинские буряты шаманисты в былое время присягали на горе Хабсал или *Хабсале утукиши бурхан нхэ богдо харалта*, что вблизи Хабсальской инородной управы. Почему? Изволите видеть: в древнее, незапамятное время жила-была девица, именем Мильгин. На 13-м году отроду, девица эта зачала во чреве от наития свыше, именно от градины, упавшей ей в уста. Когда родился мальчик чудной красоты, ему дали имя Моин Тунхэй. Мальчик этот вырос и поселился на упомянутой горе в пещере. Всецело предавшись созерцанию небесных и земных владык, Моин Тунхэй сделался великим шаманом, прорицателем и чудотворцем. Буряты со всех сторон, даже из-за моря приходили к этому шаману для поклонения. Он был девственник, жил до 364 года (sic) и по смерти погребен на самой вершине г. Хабсала – вот что! Это звезда первой величины на горизонте Кудинской степи. По смерти этого шамана на сказанной горе явилось второе светило – непорочная дева именем Гуре-тодой или по другому варианту Багжен. ... Дева эта начала шаманить, прорицать и творить, подобно Моин Тунхэю, дивные чудеса. Гуре-тодой жила 200 лет (sic) и по кончине своей погребена на той же самой горе Хабсал.

Обе легенды эти официально подтверждены Капсальской инородной управой 1874, 22 мая №978.

Мимоходом молвимся: гору, названную русскими Капцал, селенгинские, хоринские и тункинские монголо-буряты назвали в разговоре и в письме Хабсал.

Гору Хабсал все буряты, не только шаманисты, но и ламаисты, считают высоко святою горою. На этой горе совершается ежегодно шаманский первый и самый главный народный тайлган (религиозный обряд квази – чингисхановского жертвоприношения). На эту-то гору буряты, не исключая будто бы крещенных, ... со всех сторон по обету приводят баранов на закланье» [9].

В полевом сезоне 2026 года надеемся на продолжение своих историко-этнографических исследований и сотрудничество с жителями Капсала, хранящими родовые предания и старинные сказания. И совершить (возможно, совместными усилиями) новые открытия по истории села Капсал и по его историческим персонам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала; городища Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1881. № 4-5. С. 1-23.
2. Винобер А.В. [История села Капсал: легенды, предания и факты](#) / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее. 2024. 2(9). С. 12-30.
3. Винобер А.В. [Капсальские горы и «городища»](#) / А.В. Винобер, Е.В. Винобер // Сибирь: прошлое – настоящее – будущее .2021. №2(5). С. 31-38.
4. Приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 14.06.2022 № 76-75-спр "Об утверждении предмета охраны, режима использования территории объекта археологического наследия федерального значения "Капсал I" и о внесении изменений в приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 25 ноября 2013 года № 62-сп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ogirk.ru/pravo/archives/law/332518>
5. Приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 14.06.2022 № 76-76-спр "Об утверждении предмета охраны, режима использования территории объекта археологического наследия федерального значения "Капсал II" и о внесении изменений в приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 25 ноября

2013 года № 69-сп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ogirk.ru/pravo/archives/law/332518>

6. Приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 14.06.2022 № 76-74-спр "Об утверждении предмета охраны, режима использования территории объекта археологического наследия федерального значения "Капсал III" и о внесении изменений в приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 25 ноября 2013 года № 70-сп / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ogirk.ru/pravo/archives/law/332518>

7. Приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 14.06.2022 № 76-80-спр "Об утверждении предмета охраны, режима использования территории объекта археологического наследия федерального значения "Капсал IV" и о внесении изменений в приказ службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 25 ноября 2013 года № 71-сп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ogirk.ru/pravo/archives/law/332518>

8. Станевич В.М. М.Н. Хангалов – этнограф-краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: Материалы регион.науч.–практ.конф. "Золотое десятилетие" иркутск. краеведения: 1920-е годы", Иркутск, 11–13 янв. 2000 года.– Иркутск, 2000.– Ч.2.– С. 98–101.

9. Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // Иркутские епархиальные ведомости . 1879. 32. С. 357-364.

10. Харинский А. В. Капсальские "городища" / А. В. Харинский // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. . Вып. 5. С .200-217.

11. Шерхунаев Р.А. Бурятские народные сказители.- Иркутск, 1998. 140 с.

A.V. Vinober, E.V. Vinober

Irkutsk, Russia

KAPSAL: MODERNITY AND HISTORY

The article provides brief information about the authors' visit to the village of Kapsal in the Ehirit-Bulagat district. The first purpose of the trip was to get acquainted with modernity, to find out what and how modern villagers live. The second goal, similar to a specific task, was to make acquaintances to continue historical and ethnographic research on Kapsal based on surveys and conversations with old residents of the village.

Keywords: Kapsal village, Ehirit-Bulagatsky district, uligershin Nikolay Gunkhanov, achreological monuments, village club, village library

Поступила в редакцию 25 декабря 2025

В журнале публикуются исследования самого широкого естественнонаучного и гуманитарного спектра о прошлом, настоящем и будущем Сибири.

Рубрики

Антропология	Охотничье хозяйство
Археология	Педагогика
Архивоведение	Психология
Библиотечковедение	Сельское хозяйство
Валеология	Социология
География	Туризм и рекреация
Геология	Филология
Заповедное дело	Философия
Здравоохранение	Футурология
История	Экология
Краеведение	Экономика природопользования
Культурология	Экскурсоведение
Лесное хозяйство	Этнография
Музейное дело	

Фонд биосферного хозяйства

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru

Соц. сети: https://vk.com/virtual_school_of_rural_tourism